

Леонид Свердлов

ЗАОБЛАЧНЫЙ ОСТРОВ

Леонид Свердлов

**Заоблачный остров.
Фантастическая история
из реальной жизни**

«Издательские решения»

Свердлов Л.

Заоблачный остров. Фантастическая история из реальной жизни /
Л. Свердлов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-627390-0

В давние времена пятеро одноклассников мечтали о полётах в космос и строили ракету из консервных банок. Прошли десятилетия, одноклассники выросли, повзрослели, но изменились ли? Смогут ли взрослые осуществить свою детскую мечту?

ISBN 978-5-00-627390-0

© Свердлов Л.
© Издательские решения

Содержание

Заоблачный участок	6
Тайна аксолотля	20
Магнит внутреннего сгорания	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Заоблачный остров Фантастическая история из реальной жизни

Леонид Свердлов

Дизайнер обложки Ольга Третьякова

Редактор Екатерина Долгова

Корректор Ольга Рыбина

© Леонид Свердлов, 2024

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0062-7390-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Заоблачный участок

История, которую я собираюсь рассказать, действительно произошла – в этом у меня нет никаких сомнений, но не обещаю, что всё было именно так, как я рассказываю. Память ведь удивительная штука: всякое событие каждый запомнит по-своему и потом будет уверять, что именно он рассказывает как было, а остальные только путают или сочиняют.

Вот, например, одно детское воспоминание: был у меня одноклассник – все его называли Дурабумом, и было за что. Он и не обижался на эту кличку – просто обводил нас печальным взглядом, говорил: «Ну, вы понимаете...» – и объяснял свои бестолковые поступки, а слушавшие убеждались, что он действительно Дурабум – иначе и не назовёшь.

Когда мы лепили снеговиков, только он клал большие шары на маленькие. Все смеялись и обзывали его Дурабумом, но он только смотрел с недоумением и продолжал своё: «Ну, вы понимаете, грибы же не падают».

Пришла весна, снеговики растаяли и развалились, и только произведение Дурабума продолжало стоять посреди зазеленевшей травой поляны. Оно подтаяло и почернело, стало похоже на перевернутую Эйфелеву башню, но так и не рухнуло, пока дворник его не снёс.

Учился Дурабум плохо: все задачи он решал неправильно, ответы никогда не сходились, но ошибок в его решениях никто не мог найти.

Его голова была забита беспорядочными знаниями, а постоянно оттопыренные карманы – бесполезными предметами, которые он неизвестно где брал. Из них он мог сделать что угодно. Однажды, например, на спор собрал телевизор – он был совсем как настоящий, только показывал всё время один и тот же скучный фильм про сбор хлопка в Узбекистане, так что победу в споре не засчитали.

Когда Дурабум собрал вечный двигатель, ему поставили двойку по физике и вызвали родителей к директору. А он так и не поверил, что вечных двигателей не бывает, – только моргал удивлённо и спрашивал: «Почему?»

Самый большой скандал приключился с Дурабумом, когда он построил из консервных банок ракету и вместе с четырьмя одноклассниками полетел на ней в космос. Уж как нас тогда отругали!

Где в этих воспоминаниях детские фантазии, какие домыслы на них наложились и есть ли тут хоть сколько-то правды? Как это узнать? Спросить разве у интернета.

...Дурабума я нашёл быстро. На фотографии в соцсети он был таким, как я его и вспомнил: в синем школьном пиджаке и с красным пионерским галстуком на груди. На моё сообщение он ответил почти сразу. Он меня узнал, хотя на своём аватаре я выглядел намного старше пионера.

Дурабум пригласил меня на выходные. Жил он где-то за городом и, чтоб мне не заблудиться, предложил встретиться у метро и отвезти меня на своей машине.

В толпе я узнал его не сразу. Не было ни синего пиджака, ни пионерского галстука. Сам он не только вырос, но и сильно располнел, лицо стало одутловатым, волосы поредели. Одет он был в серо-голубой полукомбинезон поверх серого свитера.

– Забыл сказать, чтобы ты оделся потеплее, – заметил он, пожимая мне руку, – у меня на участке может быть прохладно.

Дело было летом, и я оделся соответственно легко. Заметив моё удивление, Дурабум поспешно добавил:

– Зато комаров у меня на участке не бывает.

Автомобиль Дурабума выглядел так, будто он приехал из нашего детства и в пути основательно разболтался: его трясло как шарик в лототроне, он подпрыгивал и дребезжал, словно мы ехали не по городской улице, а в лесу по корням.

– И как ты на нём едешь? – удивился я.

– Я мало езжу по городу, – ответил Дурабум.

Ответ был настолько исчерпывающий, что продолжать расспросы не имело смысла. Да и невозможно разговаривать при таком грохоте и тряске.

Мы выехали из города и свернули с шоссе на просёлочную дорогу. Она тоже была будто из нашего детства: сплошные лужи, кочки и колдобины, островки растрескавшегося асфальта только усугубляли устрашающий вид дороги.

Грохот прекратился, прекратилась и тряска, от которой я в городе чуть не откусил себе язык. Автомобиль Дурабума бесшумно скользил, будто лодка по закатной дорожке посреди зеркально гладкого озера. Он только слегка качался, поплёвывая грязью из-под колёс то в одну сторону, то в другую.

– Не трясёт, – удивлённо заметил я.

– Ну, ты понимаешь, – начал Дурабум с детства мне знакомым грустным, извиняющимся тоном – ему будто было стыдно, что я не понимаю таких простых вещей, – она трясётся: на кочках проваливается, на ямках подпрыгивает – дорога трясётся в одну сторону, а машина в другую – вот ход и выравнивается. В городе кочек и ямок нет, потому тряска там больше чувствуется. А здесь дорога старая, и ездить по ней надо на старой машине. Я специально её купил у местного старожилы, который много лет ездил на ней именно по этой дороге.

Теперь, когда тряска перестала нас беспокоить, Дурабум рассказал о своей жизни после школы. ПТУ он закончил с трудом: с каждого курса его чуть было не исключали за неуспеваемость. Несколько лет он работал автомехаником, а потом его коллеги организовали кооператив и стали продавать вечные двигатели, которые собирал Дурабум. Торговля шла плохо: батарейки в вечных двигателях быстро садились.

– Вечный двигатель не может работать от батареек, – заметил я.

– Почему? – удивлённо спросил Дурабум. – Мой работал. Он и от сети работать мог.

Примерно тогда же у Дурабума появился компьютер с множеством проводов. Всякий знает, что как аккуратно провода ни укладывай, они обязательно спутаются в такой узел, какой и бывалому моряку не завязать. Заметив это, Дурабум изобрёл самозавязывающиеся шнуры, которые на некоторое время позволили кооперативу держаться наплаву. Но и это оказалось ненадолго: завязывались шнуры хорошо, но развязать их никто не мог. Претензии не принимались, поскольку производитель гарантировал только самозавязывание, а о развязывании речи не было, но продажи уменьшались. Потребовалась новая коммерческая идея, но денег на новое производство у кооператоров больше не было. Тогда Дурабум взял всё то небольшое, что у них оставалось, и поделил на ноль.

– Делить на ноль нельзя, – заметил я. – Нас этому в школе учили.

Дурабум печально вздохнул.

– Ну, ты понимаешь, – сказал он, – у меня с математикой всегда плохо было – тогда я ещё не знал, что нельзя. Да и помнишь же, что в стране творилось. Кто тогда разбирал – что нельзя, а что можно?!

Денег стало много, и давно уже шедшая ко дну фирмочка превратилась в крупную финансовую корпорацию. В таком виде она просуществовала много лет, пока правоохранительным органам не стало известно, что деньги эта контора получает от запрещённой математической операции. То, что после этого случилось с фирмой, Дурабум описал одним коротким словом.

Он не очень пострадал: хотя идея была его, сам он деньги на ноль не делил – в фирме были специальные люди, которые могли что угодно как угодно делить, – одного из них вскоре нашли убитым, другой сбежал за границу, третьего посадили, четвёртый успел стать депутатом, а Дурабум только лишь остался без работы. Он купил домик за городом и устроился в ближайший автосервис.

Дом обошёлся дёшево. Прежние хозяева продали его, не выдержав соседства с необычайно деятельным полтергейстом, который, став героем нескольких телепередач, возомнил себя звездой и сделался совершенно невыносимым.

В доме то и дело начинали подтекать электрические розетки, водопроводные краны светились по ночам, из холодильника вырывались языки пламени, электрические счётчики выдавали показания в кубометрах, а счётчики воды – в киловатт-часах, трубы отопления исполняли органную музыку, телевизор показывал время, оставшееся до конца света, а стиральная машина майнила биткоины.

Неизвестно, приводила к этому сознательная деятельность Дурабума или шалости его сына, который явно пошёл в отца. Подозрений не вызывал лишь полтергейст, сбежавший через некоторое время, оставив слезливую надпись кровью на стене санузла.

Следующей дом покинула жена Дурабума. Она оказалась слишком глупа или слишком умна, чтобы жить с ним. Найдя то ли работу, то ли другого мужа, она уехала за границу, поставив при разводе единственное условие, чтобы Дурабум не встречался с сыном и не оказывал на него вредное влияние. Для Дурабума это стало большим ударом, но он и сам признавал, что ничему хорошему научить не мог. Так он остался один в пустом доме – без жены, без сына и даже без полтергейста. Мог бы спиться от тоски, но тут ему попалась на глаза статья об умном доме, и Дурабум сразу загорелся этой идеей. Не сумев воспитать ни сына, ни жену, он вообразил, что справится с умным домом.

Для много повидавшего дома началась новая жизнь, и вскоре дом понял, что настоящей жизни он ещё не знал. Его хозяин, вооружившись инструментами, приборами, гаджетами, компьютерами, книгами и шахматной доской, всерьёз взялся за дело. Он проводил с домом целые дни, читая ему вслух книги, проигрывая классическую музыку и показывая познавательные научно-популярные программы по телевизору. Последнее нравилось дому больше всего, осо-

бенно если показывали передачи о строительстве. Он громко сопел вентиляцией и скрипел дверями от волнения, когда по телевизору показывали, как строятся новые дома.

Дурабум стал учить дом играть в шахматы, но тот оказался плохим учеником: зевнув фигуру, тут же тушил свет, включал отопление на полную мощность, сбрасывал со стола фигуры и начинал бить на кухне посуду.

Вскоре в доме стали пропадать вещи. Дом их продавал. А после того, как пришлось оплатить подъёмный кран, неизвестно с какими извращёнными целями вызванный умным домом, Дурабум перестал показывать ему передачи о строительстве, чем привёл своё уже не в меру умное жильё в бешенство.

В результате дом стал умнее Дурабума или, по меньшей мере, практичнее. Он переоформил на себя права на недвижимость и перестал впускать своего бывшего хозяина, а тот даже не пытался отсудить имущество: иск против собственного дома не принял бы никакой суд. Юристы подсказали, что ушлый, но неопытный дом переписал на себя только здание, но не земельный участок. Требовать с дома плату за аренду земли было бесперспективно, и Дурабум поступил иначе: на том же участке он построил другой дом и стал жить на том же месте, старательно следя за тем, чтобы никакие искры разума не проникли в его новое жильё.

– А старый дом куда делся? – спросил я.

– Никуда – как стоял, так и стоит.

– Как же он стерпел, что ты строишься на том же месте?

– Я думаю, он ничего не заметил, – Дурабум презрительно скривился. – Он вообще ничего вокруг не замечает.

– Вокруг? – переспросил я. – Ты же сказал, что построил на том же самом месте, а не вокруг.

– Ну, ты понимаешь, – задумчиво ответил Дурабум, – мы с ним разошлись в третьем измерении.

Я не понял, что он имел в виду, но спрашивать не стал: всё равно ведь узнаю, когда приедем.

– А помнишь ракету из консервных банок? – как бы в шутку спросил я и удивился, когда Дурабум ответил совершенно серьёзно:

– Конечно, помню. Мне от родителей тогда так влетело, что попробуй забыть!

– Удивительно, что у нас это получилось.

– Почему удивительно?

– Как почему? Потому, что это невозможно.

Дурабум на секунду задумался и ответил:

– Но мы ведь тогда не знали, что это невозможно, – потому и получилось.

Наверное, он прав: только тот, кто не знает предел своих возможностей, может создать что-то небывалое или совершить открытие, а тот, кто знает границы и никогда их не переступает, ничего создать не может – таких людей называют ограниченными. Потому гении так часто слыли дураками, а умные люди так скучны и предсказуемы. Дурабум заслужил своё прозвище и гордо пронёс его через десятилетия. Мало кому это удаётся – обычно люди с возрастом умнеют.

Думая об этом, я рассеянно смотрел на то, как стволы деревьев за окном сменились верхушками. Машина свернула с дороги и теперь ехала прямо через лес, иногда задевая ветви самых высоких сосен. Туманный сгусток облака становился всё ближе.

– Мы что, летим?! – спросил я и завертелся, надеясь увидеть у машины крылья или пропеллер.

– Ну, ты понимаешь, – ответил Дурабум, – Земля – это большой магнит, а магниты могут не только притягиваться, но и отталкиваться. У меня в машине тоже есть магнит – когда я его включаю, он отталкивается от Земли, и машина поднимается вверх.

Я заметил, как вдруг потяжелели ключи у меня в кармане – они притягивались магнитом, который был под днищем автомобиля.

– Это невозможно! – воскликнул я.

– Почему? – удивился Дурабум.

Я вспомнил, что он плохо учился в школе. Впрочем, я и сам не мог толком объяснить, почему это невозможно. Разве только потому, что такого не бывает. Но ведь и на самолётах люди не всегда летали – думали, что это невозможно, и ошибались.

– На такой мощный магнит не хватит автомобильного аккумулятора, – нашёлся наконец я.

– Но это же не электрический магнит, – ответил Дурабум. – Ну, ты понимаешь, это магнит внутреннего сгорания – он работает на бензине.

– Так не бывает.

– Почему? Бывают же разные двигатели. И магниты тоже бывают разные: электрические, паровые, атомные, реактивные, парусные, на конной тяге, и магниты внутреннего сгорания, конечно, тоже бывают.

– Ладно, – сказал я, – но мы ведь не просто поднимаемся вверх – мы ещё и вперёд едем. Это отчего? Значит, должен быть пропеллер. Или в этой машине реактивный двигатель?

– У старых машин такой выхлоп из трубы, что никакой реактивный двигатель не нужен, – ответил Дурабум.

Автомобиль выехал из тумана облака. Перед нами показалось сооружение, напоминавшее большое лежащее на боку прозрачное куриное яйцо, внутри которого виднелась плоская платформа с небольшим домом и несколькими теплицами. При нашем приближении прозрачный купол сложился, и мы заехали на летающий остров.

Вот какое третье измерение имел в виду Дурабум: высоту. Его новый дом находился на том же участке, что и старый, только выше.

Дурабум бодро высадился. Через раскрытую водительскую дверь меня обдало холодком. Я тоже открыл дверь и неуверенно ступил на непривычную почву. Моей осторожности не было логического объяснения: если остров выдерживал меня в машине, то, естественно, он выдержал бы и меня, вышедшего наружу. Так и оказалось: платформа была вполне устойчива и даже не шелохнулась.

– Каркас из алюминиевого профиля, на нём доски, а на досках настелен синтетический ковролин, – пояснил Дурабум.

Освободившись из тесной машины, он, весело пританцовывая, направился к небольшому, скромному и явно очень глупому дому. После долгого сидения за рулём в жаркой машине Дурабум наконец почувствовал себя в своей тарелке. И свитер стал уместен. А я сразу озяб. К счастью, в доме нашлась тёплая куртка.

Мы вынесли наружу складные стулья и столик, Дурабум достал из багажника ящик пива, хлеб и колбасу.

– А держится всё это тоже на магните внутреннего сгорания? – спросил я.

– Ещё не хватало! – ответил Дурабум. – Это ж сколько бензина бы мой участок постоянно потреблял!

– Электромагнит с солнечной батареей?

– Участок упал бы ночью. Нет, магниты хороши, если надо вверх-вниз ездить. А чтобы просто висеть на месте, есть более простые решения без всяких энергозатрат.

Он кивнул на баллон, выступавший над краями платформы по всему периметру. Я сначала подумал, что это бортик, чтобы с острова ничего не выпало, но оказалось, что это не единственное назначение баллона.

– Аэростат, – пояснил Дурабум. – Несколько десятилетий он был любимой игрушкой человечества. Поиграли и бросили. Только было научились строить большие дирижабли, кото-

рые могли перевозить десятки тонн грузов, в комфорте доставлять пассажиров из Европы в Америку без посадок, как вдруг случилось несколько аварий, и развитие дирижаблей почти прекратилось. Все занялись совершенствованием самолётов, а про аппараты легче воздуха забыли. В кино показывали гибель дирижабля «Гинденбург» – он взорвался и сгорел за несколько минут. Зрители пугались, и летать на дирижаблях никто больше не хотел, но ведь и самолёты разбивались. При авиакатастрофах редко кто выживает, но даже при взрыве «Гинденбурга» погибла только треть бывших на борту. Дирижабль гораздо безопаснее самолёта: не падает камнем – он как парашют. И «Гинденбург» не взорвался бы, если б был наполнен не горючим водородом, а инертным гелием. Кроме того, дирижабли расходуют очень мало топлива, им не нужны взлётные площадки, они могут зависать в воздухе, не расходуя топливо и бесшумно.

– Дирижабли медленно летают, – возразил я. – В этом им с самолётами не сравняться.

– Не так уж и медленно, – возразил Дурабум. – Полтора километра в час им было вполне по силам, особенно если ветер попутный. Тогдашние транспортные и пассажирские самолёты летали от силы в два раза быстрее. Если бы совершенствование дирижаблей шло так же, как и совершенствование самолётов, то и они бы сейчас носились как пули. Но даже с тогдашней скоростью дирижабль отсюда до Китая добрался бы по прямой быстрее, чем корабль, которому приходится оплывать вокруг континентов, или грузовой поезд, у которого средняя скорость ещё меньше. Так часто бывает: забрасывают хорошую идею из-за ерунды. Сейчас кажется, что воздушные шары устарели, а самолёты и спутники – техника будущего. Но стратостат дешевле спутника, а делать может то же самое. Он ниже летает, чем спутник, но это не обязательно плохо. Мой участок совсем не высоко висит, а мне это и надо. Что б мы сейчас делали на высоте в пару сотен километров?

Дурабум знал довольно много о дирижаблях – очевидно, прочитал какую-то книжку. Он ещё в школе любил читать, но выводы из прочитанного делал необычные: кому ещё после книжки о дирижаблях придёт в голову построить летающий остров и поселиться на нём?!

– А почему его ветром не сносит? – спросил я. – Приехали бы мы сюда, а участок уже где-нибудь за Уралом.

Дурабум усмехнулся:

– А что всегда делали, чтоб ветром не сносило?

– Наверное, бросали якорь, – предположил я.

– Вот именно. Я зацепился якорем за крышу моего... своего дома. К счастью, я не установил у него на крыше никаких датчиков, так что он ничего не заметил.

– В наших местах бывают сильные ветры. Не боишься, что якорная цепь оборвётся или что у дома крышу сорвёт?

– До сих пор не срывало, а если сорвёт, то так ему и надо – паразиту неблагодарному, – с явной обидой проворчал Дурабум. – А от ветра у меня есть купол. Ты его видел, когда мы подъезжали. Когда меня нет или если ветер сильный, купол поднимается. Он обтекаемой формы, и ветер его не сдувает. Замечательная штука. Сам Профессор рассчитал. Помнишь Профессора?

Конечно, я помню Профессора. Это был наш одноклассник, отличник, который ещё в третьем классе читал вузовские учебники по физике и высшей математике. Про ракету из консервных банок он сразу сказал, что это чушь, но расчёты сделал безупречно, иначе мы бы не далеко улетели.

– Он, небось, теперь настоящим профессором стал? – спросил я.

– Нет, – ответил Дурабум, – представь себе, не стал. Окончил университет с красным дипломом, но в учёные не пошёл. Ему деньги были нужны, а в науке, да ещё и без английского языка, денег не заработать. Там надо писать статьи по-английски, а у Профессора с языками плохо – воображения, наверное, не хватает, он ведь только считать умеет. Вот и стал считать

деньги – сначала чужие, а потом и свои. Теперь их у него так много, что он и сам, небось, со счёта сбивается. Зазнался – страшное дело, но, если уговорить, он и сейчас что угодно рассчитать может. Мне он и аэростат рассчитал, и купол, и магнит внутреннего сгорания.

Говоря это, Дурабум нарезал хлеб и колбасу, выстраивая на столе башни из бутербродов. Опять вспомнилось детство: наш одноклассник Коля Зверев обожал живую природу и бутерброды с колбасой. Он был готов сутками наблюдать жизнь муравьёв или рост цветов и мог съесть сколько угодно бутербродов с колбасой. Он тоже летал с нами на ракете из консервных банок и всю дорогу рассказывал о внеземных формах жизни, а мы слушали и верили, хотя единственная форма жизни, с какой мы встретились в космосе, были мы сами. Если я, конечно, не забыл что-то существенное.

– Ты никак для Коли Зверева готовишь бутерброды? – спросил я.

– Он обещал зайти. Мы тут часто видимся. Эти теплицы – его работа. Ставит там эксперименты. Исследует влияние высокогорного климата на развитие растений, – ответил Дурабум.

– У него ещё была ящерица, – продолжал вспоминать я. – Он с ней в школу всё время приходил.

– Это не ящерица, – возразил Дурабум, аккуратно выкладывая последний бутерброд. – Это говорящий динозавр Митя.

– Помню Митю, – ответил я, погружаясь в воспоминания, которые на глазах становились всё более явственными. – Только это был никакой не динозавр, а просто крупная ящерица, и говорил он совершенно невнятно – я ничего не мог разобрать.

Дурабум пожал плечами:

– Нормально он говорил – я всё понимал. Проблемы с дикцией у него, конечно, были – не человек всё-таки, но тогда и у меня дикция хромала, и у тебя тоже. А кто он там точно был – я в этом не разбираюсь, но, насколько помню, динозавры и есть крупные ящерицы, а какой размер у ящериц считается крупным, я не знаю. К тому же это был молодой динозавр – он рос.

Это правда: я помнил Митю размером с небольшую собаку, Коля Зверев намеревался его откормить, но после всех его усилий ящерица выросла до размера разве что среднего пони. По моим представлениям это на динозавра не тянет.

– Он здоровенный вымахал, – продолжал Дурабум, широко разводя руки. Размах рук Дурабума не соответствовал размерам динозавра, но, возможно, он имел в виду нечто большее. – Громадная такая зверюга.

– И что с ним теперь?

Дурабум печально опустил глаза:

– Помер Митя. Выпил канистру бензина, испустил столб пламени, и всё.

Дурабум загрустил, и я, чтоб сменить тему, спросил:

– У Коли Зверева тоже есть магнит внутреннего сгорания или ты за ним заедешь?

– Он не ездит на машине, – рассеянно пробормотал Дурабум, стараясь найти оптимальное положение колбасы на очередном куске хлеба.

В то же мгновение порыв ветра опрокинул бутербродную башню, и на заоблачный остров опустилась крылатая ящерица размером с лошадь. Приземлившись, она слизнула со стола несколько бутербродов и, получив от своего наездника затрепину, аккуратно сложила на спине осиные крылья, распласталась и застыла, подставившись солнцу. Я, признаться, оторопел от такого зрелища. С одной стороны, оно было слишком невероятным, чтобы воспринимать его всерьёз, а с другой стороны, меня настойчиво свербил мысль, что это я уже видел, причём совсем недавно. Не справляясь с этими мыслями, я переключил внимание на Колю Зверева, лихо соскочившего с шеи ящерицы.

Он ухитрился почти не измениться с пионерской поры: не растолстел и не обрюзг, вырос, конечно, но лицо оставалось моложавым, светлые волосы так же густы и аккуратно расчёсаны, очки в модной оправе и светло-коричневая замшевая куртка символизировали элегантность

и хороший вкус их владельца, а руки Коли Зверева, как в детстве, были покрыты царапинами и следами свежих укусов.

Представиться было не нужно – Коля Зверев узнал меня сразу, как и я его, хотя я-то как раз изменился очень сильно.

Бодрой пружинистой походкой он подошёл к столу, широким жестом схватил бутерброд, откусил от него, сел на складной стул и принял от Дурабума стакан пива.

– Здесь всегда холодное пиво, – сказал он, когда мы чокнулись за встречу. – В наших краях, чтобы оказаться на высоте, нужно сутки-другие добираться до ближайших гор или пойти в гости к Дурабуму.

Мы выпили за горный климат. Коля Зверев выглядел так солидно, что мне неудобно было о чём-то расспрашивать, а расспросить хотелось. Собравшись с духом, я начал издали:

– А ты кем работаешь? Специалистом по животным?

– По людям, – ответил Коля Зверев. – Они тоже животные те ещё. В процессе эволюции кем только не побывали, и всё в генетической памяти остаётся. Отсюда сказки вроде как про животных, а на самом деле про людей. Люди могут стадом идти на убой, как овцы, набрасываться стаей на одного, как волки, жрать друг друга, как пауки. Что бы там люди о себе ни воображали, всякий, кто разобрался в психологии животных, знает всё про людей.

Я рассмеялся. Коля Зверев и в детстве был хвастуном. Он тоже рассмеялся в ответ и спросил:

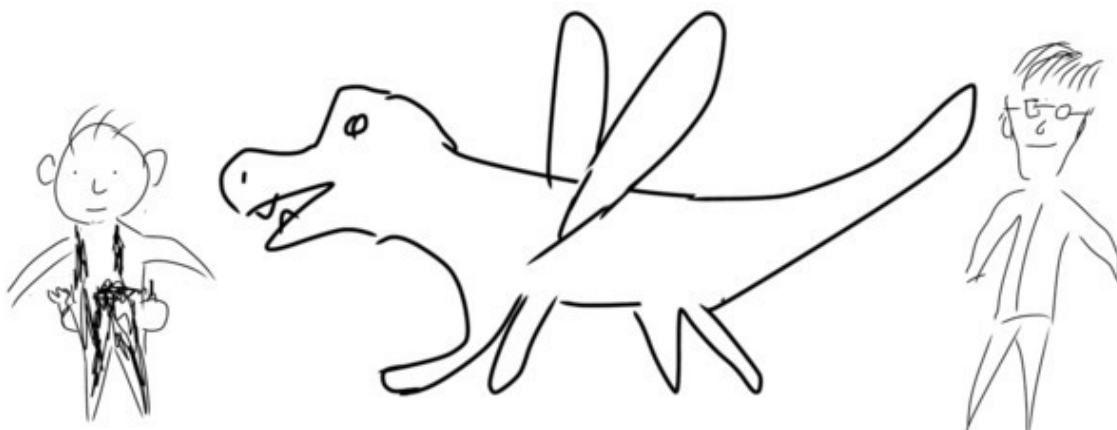
– Хочешь, я прочитаю твои мысли?

– Ну? – сказал я.

– Ты хочешь узнать, как я здесь оказался, но боишься признаться в этом. Нарочно не смотришь в ту сторону, делаешь вид, что не замечаешь, и болтаешь о всякой ерунде.

Я хотел бы не согласиться, но не мог: Коля Зверев был прав. Действительно, я за всё время разговора не взглянул на ящера с осинными крыльями и ничего о нём не спросил, хотя, казалось бы, о чём ещё спрашивать, увидев такое... Неуверенно обернувшись, я убедился, что ящер никуда не делся. Мне было стыдно: я, взрослый, серьёзный человек, смотрю на то, чего быть не может, и, кажется, даже верю, что это не обман зрения. Дурабум смотрел туда же, куда и я, и, хотя на его лице не было заметно удивление, я подозревал, что он видит то же самое.

– Ящер, – решил выговорить я, делая всё же вид, что не имею в виду кого-то из присутствующих.

– Динозавр, – поправил меня Дурабум.

– Птеродактиль, – уточнил я.

– Нет, это не птерозавр, – возразил Коля Зверев. – У птерозавров крылья представляли собой кожаную мембрану, которая крепилась к пальцам передних конечностей, примерно как у летучих мышей. А это пластинчатые выросты как у насекомых.

– Откуда он у тебя?

– Помнишь динозавра Митю?

– Ящерицу?

– Динозавра! – почти хором возразили Дурабум и Коля Зверев.

– Это почти одно и то же, – сказал я, надеясь на компромисс.

– Нисколько! – настаивал Коля Зверев. – Динозавры больше общего имеют с птицами, чем с ящерицами.

– Я со школы помню...

– Мало ли чего мы помним со школы! Наука не стоит на месте, учебники устаревают, в них многое упрощено, да и память нас часто подводит. Когда мы учились в школе, ты называл Митю динозавром.

– Называл, – подтвердил Дурабум.

– Мы были детьми, – возразил я.

– Были, – согласился Коля Зверев, – только Митя-то при чём? Если он был динозавром, когда мы были детьми, то почему он должен стать ящерицей, когда мы повзрослели?

– Динозавры давно вымерли, – попытался возразить я.

– Лопастепёрые рыбы, от которых произошли земноводные, тоже давно вымерли, – заметил Коля Зверев, – но в прошлом веке нашлись современные лопастепёрые рыбы латимерии. Дожили как-то. Так почему динозаврам не дожить? Вот Митя и дожил. Я обнаружил его на окраине города, за гаражами. Он рылся в свалке, бедняга, – единственный динозавр, доживший до нашего времени. Много, наверное, натерпелся: у него была рана на хвосте – кто-то хотел его обидеть, и людей он очень боялся. Неделя ушла на то, чтобы приманить его бутербродом с колбасой и приручить. Приходилось прятать от взрослых, чтобы его не сдали в музей. По-другому с ним бы не обошлись: я спрашивал в зоопарке, нужны ли им динозавры, но там посмеялись и ответили, что их берут только в музей на чучело.

Я переглянулся с Дурабумом. Тот пожал плечами.

Коля Зверев заметил наши переглядки и нахмурился.

– Мне было десять лет. Я не употреблял ни алкоголь, ни наркотики, и врать я тогда тоже не умел, так что не вижу причин вашего недоверия, – сказал он.

– Ладно, – согласился я, – в детстве тебе повезло встретить небывалое животное. Но перед нами сейчас другой динозавр. Не могло же тебе так повезти дважды.

– Незадолго до своей трагической гибели Митя снёс яйцо...

– Снёс яйцо?! – мне определённо казалось, что Коля Зверев просто издевается надо мной. – Митя оказался самкой?

– Что значит оказался? Он всегда ей был. Имя Митя происходит от имени Деметры – древнегреческой богини плодородия. Это женское имя.

Дурабум громко хмыкнул.

– Ну, хорошо, – вынужденно согласился Коля Зверев, – имя мужское, но происходит от женского. Короче, он снёс яйцо. Дело было летом на даче. Я подложил яйцо курице, она его высидела, и вылупился этот молодой динозавр.

– Замечательно! – воскликнул я. – Папа Митя снёс яйцо, мама курица его высидела и получился крылатый птенец динозавра! Ещё одно доказательство того, что динозавры – родственники птиц.

– Курица не птица, – заметил Дурабум. – Куры не летают.

– Да кончайте вы стебаться! – Коля Зверев от возмущения так взмахнул руками, что выронил бутерброд с колбасой, тот взмыл вверх, а динозавр, до сих пор лежавший неподвижно,

резко рванул за ним и с громким чавком проглотил, окончательно убедив меня, что он не иллюзия, а вполне реальное существо, находящееся на одном летающем острове со мной. – Курица тут вообще ни при чём, – продолжил, успокоившись, Коля Зверев. – Она только высидела яйцо, а крылья – вы же видите – они не куриные. Вы разве не знаете, что из неоплодотворённых яиц вполне может кто-то вылупиться? Это называется партеногенез. Он бывает у пауков, термитов, пчёл, муравьёв, тараканов, ящериц, рыб и даже у кур. А крылья – ну, бывают же крылья у муравьёв – так почему им не быть у динозавров. Никто не доказал, что крыльев у динозавров не было, ведь такие крылья следов не оставляют, и окаменевать в них нечему.

Коля Зверев порол явную чушь, но доказывать что-либо было бесполезно, поскольку главное доказательство – динозавр с крыльями был налицо и жрал бутерброды. Я взял один из них со стола и протянул дальнему родственнику птиц. Тот схватил его так шустро, что чуть не оттяпал мне руку, громко хлюпнув, проглотил, не жуя, и с благодарностью кивнул.

– Разговаривать ты его тоже научил? – спросил я.

– Ну вот ещё! Я ж не ребёнок, чтобы разговаривать с животными.

Крылатый динозавр согласно кивнул, будто поблагодарил за то, что к нему не пристают с дурацкими разговорами.

– И часто ты на нём летаешь? – спросил я.

– Всегда, – ответил Коля Зверев. – Машины у меня нет. Непрактичная бесполезная вещь: вонь, пробки, правила дорожного движения. А так долетаю куда мне надо без стресса и всегда вовремя.

Я попытался припомнить заметки в газетах, фотографии в соцсетях или сюжеты в телевизионных новостях о человеке, летающем по городу на динозавре с осиными крыльями, но ничто не пришло мне на память. Странно: уж такое-то ни пресса, ни граждане не могли обойти вниманием.

– А как люди реагируют, когда тебя видят? – спросил я.

– Никак. Они меня не замечают.

Я не придумал, как на это ответить, но, видимо, выражение моего лица всё за меня сказало.

– А что такого? – удивился моему удивлению Коля Зверев.

– Ты умеешь становиться невидимым? – предположил я, решив не удивляться никакому ответу.

Коля Зверев улыбнулся, налил себе ещё пива и взял новый бутерброд с колбасой.

– Представь себе, – сказал он, – что ты идёшь по улице и видишь, как два гигантских жука доедают свежий труп. А люди вокруг проходят мимо, лишь мельком взглянув на жуков, – кто равнодушно, кто с осуждением. Что ты сделаешь в такой ситуации?

Я с отвращением представил себе это и ответил:

– Позову полицию.

Коля Зверев коротко хохотнул:

– Ха! Ты точно так не сделаешь. Ты сразу представишь себе, как будешь объяснять полицейскому: «Там два жука доедают свежий труп!», а он, даже не взглянув в ту сторону, вызовет санитаров со смиренной рубашкой. Ты разумно рассудишь, что это не твоё дело, пойдёшь своей дорогой, как и все остальные прохожие, и уже через пару минут решишь, что это была галлюцинация, иллюзия, игра воображения или что-нибудь ещё подобное, и напрочь забудешь, что видел, а потом, если и припомнишь, то посчитаешь, что это тебе приснилось или показалось.

– Такое бы я запомнил, – возразил я не очень уверенно.

– Брось! – махнул рукой Коля Зверев. – Всего не запомнишь без специальной практики. Целый день с тобой всякое происходит, а спросит кто вечером, что было сегодня, – ничего и не вспомнишь. А почему не вспомнишь? Потому, что мир полон чудес, которые ты

пропускаешь мимо себя и тут же забываешь. А про собственное детство люди как правило вообще ничего не помнят, потому что дети видят слишком много удивительного, чтобы помнить об этом, став взрослыми. Вспомни, например, что было в прошлую среду?

– В прошлую среду? – я напряг память. – Это был обычный будний день. Я проснулся, позавтракал, пошёл на работу, там занимался обычными делами, потом пошёл домой, поужинал, посмотрел телевизор и лёг спать. Вот и всё. Хотя, нет. Днём я вдруг вспомнил про школу и про ракету из консервных банок, а вернувшись с работы, я нашёл в интернете Дурабума и написал ему сообщение.

– И это всё? Не больно-то много за целый день. Может, хотя бы вспомнишь, что навело тебя на мысли о школе и ракете?

Я снова напрягся и представил себе, что я выхожу из автобуса и вижу, как мимо меня пролетает Коля Зверев верхом на динозавре с осиными крыльями. Кажется, он даже помахал мне рукой. Определённо, так и было, потому мне и сегодня показалось, что я его и этого летающего динозавра где-то видел. Конечно, тогда я не придавал значения такому нелепому видению – я как обычно утром был невыспавшийся и подумал, что это продолжение сна, который я видел в автобусе.

– Так это ты был! А я-то совсем было запамятовал.

– Угу, – подтвердил Коля Зверев. – Так ещё поднатужишься и много чего вспомнишь. Только другим не рассказывай, а то в психушку попадёшь. Теперь понимаешь, почему на меня не обращают внимание? Кстати, не все. Дети меня часто замечают. Иной малыш закричит: «Мама! Смотри! Там дядя на драконе!», а мама только буркнет: «Не говори глупости!» – и даже не посмотрит в мою сторону. Пьяный, бывает, взглядом за мной проследит или наркоман какой-нибудь пальцем укажет: «Во! Мужик на крокодиле летит!» А нормальные, адекватные люди меня не замечают!

Заново сведя наше школьное знакомство, мы отправились на прогулку по острову. Дурабум провёл для меня экскурсию по своим заоблачным владениям. Его новый дом был глуп как дровяной сарай. На первом этаже хранился хлам, не поместившийся в карманах Дурабума, на втором были спальня и кухня, а на чердаке был установлен телескоп. Дурабум признался, что ничего не смыслит в астрономии, но любит иногда посмотреть на звёзды.

Коля Зверев показал мне растения в теплицах и рассказал про свои заоблачные биологические эксперименты. Он сумел скрестить картофель с помидорами, отчего клубни стали красными, росли на ветках, и их можно было есть сырыми, а помидоры стали расти из корней под землёй, затвердели, потемнели, и их надо было варить, прежде чем есть. Потом это растение Коля Зверев скрестил со свёклой, капустой и морковью – если это покрошить в кастрюлю целиком – с плодами, листьями и клубнями, можно сварить борщ, не добавляя даже соли и перца, поскольку соль и перец входят в состав изобретённого Колей Зверевым удобрения и уже содержатся в борщовом гибриде в достаточном количестве.

Он вывел сорт клубники, ягоды которой были легче воздуха, – они поднимались над листьями и быстро созревали под солнечным светом, не лежали на земле и не гнили, и их было удобно собирать. При этом надо было только хорошо закрывать корзину, чтобы ягоды не улетели в космос. Варенье из такой клубники было не только вкусно, но и полезно для тех, кто хотел сбросить вес.

В ходе долгих экспериментов он сумел вывести сорт арбузов с мягкой и прочной коркой, через которую можно было прощупать, созрел арбуз или нет. А из корок, после того как арбуз был съеден, можно было шить дамские сумочки или футбольные мячи.

– Люди пока что не придумали ничего более совершенного, чем созданное природой, – рассказывал Коля Зверев, переходя к следующей грядке. – Солнечные батареи – жалкое подражание листьям растений, которые из солнечной энергии добывают жизненную энергию. При этом их не надо ни строить, ни настраивать – они сами растут и располагаются так, чтобы

получать больше солнечного света. Люди издревле использовали жизненную энергию растений, полученную ими от Солнца, когда сжигали уголь и дрова, а сейчас из растений добывают топливо – этанол и биодизель. Но для всего этого используются мёртвые растения, а я добываю энергию из живых лопухов, которые прямо сейчас её производят и будут производить дальше, при этом разрастаясь и наращивая свою мощность.

Вот откуда на заоблачном участке электричество – от энерголопухов. Ни проводов на землю, ни солнечных батарей на острове не было.

Вечером мы сложили костёр на специально подготовленном для этого месте посреди участка и при свете разгорающегося огня любовались закатом, который в наших пасмурных безгорных краях можно наблюдать только с острова, парящего над облаками.

Костёр горел, весела трещка головешками. Дым от него столбом уходил в безоблачное небо, в то время как люди внизу не видели нас из-за густых облаков. Коля Зверев играл на гитаре, и мы пели пионерские песни. Крылатый динозавр тянул к костру свои замёрзшие лапы и пытался нам подтягивать, но у него получалось плохо, ведь когда он рос, такие песни уже не пели.

Когда костёр догорел, мы пекли в углях картофельные помидоры, студили их, перекидывая с руки на руку, ели, запивая пивом, и предавались фантазиям, которым так способствовала заоблачная ночь, красные блики тлеющих углей, белый свет луны и мерцание множества звёзд, каких никогда не увидишь из города.

– С детства мечтал о путешествиях, – сказал я. – Мир тогда казался огромным, и в нём столько всего хотелось посмотреть! Сейчас, когда я вырос, мир уже таким большим не кажется, но в нём всё равно столько интересного! Был бы у меня такой вот участок – я бы весь мир на нём облетел.

– Если бы он у меня в детстве был, я бы тоже на нём куда только не полетел бы, – ответил Дурабум. – Да, было время. А теперь и девочки постарели, и мечты измельчали, и возможности мы стали реально оценивать. Да и ракету из консервных банок теперь не построить. Не те стали банки.

Мы хором вздохнули, вспомнив наше космическое путешествие. Ещё вчера ракета из консервных банок казалась мне детской фантазией, а сегодня я готов был поклясться под салютом, что мы на ней действительно летали – друзья детства не дадут соврать. Я думал, что мы тогда поднялись до вершин деревьев, но Коля Зверев утверждал, что мы слетали до Луны и вернулись домой, а Дурабум уверенно заявил, что мы долетели до края Солнечной системы, и менее уверенно добавил, что мы добрались до ближайших звёзд и встретили там инопланетян. На это Коля Зверев заметил, что фантазия – хорошо, но во всём надо знать меру, и Дурабум неожиданно согласился.

– Трудно поверить, что мы улетели так далеко, – сказал он. – С таким-то примитивным фотонным двигателем, как был у нас! В лампочках от карманных фонариков разве фотоны! Тусклый световой мусор и только. Вот если бы у меня тогда были китайские лазерные указки, каких сейчас сколько угодно любой мощности, мы бы на них до центра Галактики долетели, причём не только нашей галактики. Ну, вы понимаете, фотоны от лампочки сразу разбредаются во все стороны, так что в метре от этой лампочки света уже почти нет, а от лазера фотоны бегут строем – сколько фотонов вылетело, столько и прилетит в финишную точку. Лазерная указка – это мощь!

Дурабум мечтательно вздохнул. С того времени, когда в детстве мы с ним дружили, он повзрослел и внешне изменился, но в душе остался таким же. И Коля Зверев помнит наши полёты. И я их помню, хоть и не очень верю. Может быть, зря не верю, а говорящие динозавры действительно существуют, и каждый может полететь в космос, если очень хочется, а родители не узнают.

– А где сейчас наша ракета? – спросил я.

Дурабум указал пальцем вниз.

– Её остатки ржавеют у меня в гараже, там, – ответил он и поспешно добавил: – Но мы в неё точно уже не поместимся.

При тусклом свете догорающих углей было видно, как грустно он посмотрел на звёзды, будто извиняясь перед ними за малодушный отказ от их приглашения.

– Интересно было бы узнать, как развиваются в космосе борщовые гибриды и энерголопухи, – задумчиво произнёс Коля Зверев, будто думая вслух и ни к кому конкретно не обращаясь.

Мы смотрели в неоглядную мерцающую бездну, во все времена манившую непоседливых мечтателей. С особенным вождением любовался звёздным небом динозавр с осиными крыльями. Скрип и посвистывание, вырвавшиеся у него из груди, вдруг зазвучали подобием песни – тихой и грустной, как реквием по славным героям, не побоявшимся отправиться в неведомые дали, величественной и торжественной, как гимн несгибаемому духу первопроходцев. Динозавр глядел вдаль, иногда украдкой косясь на нас. Мне показалось, что в его взгляде надежда на нашу решимость боролась с опасением за наше малодушие.

– Этот остров... – начал было я.

– На аэростате мой участок взлетит не выше стратосферы, – поспешно возразил Дурабум, – а его купол не герметичный и совсем не прочный.

Никто ничего не сказал, но Дурабум, кажется, всё равно устыдился своих слов. Немного помолчав, он добавил извиняющимся голосом:

– Конечно, купол можно укрепить. Выше стратосферы можно подняться на магните внутреннего сгорания – тут, конечно, понадобится магнит помощнее того, что в моей машине, а из китайских лазерных указок можно собрать маневровые фотонные двигатели. И отпуск взять придётся...

Мы молча осознавали нелепость и неосуществимость сказанного Дурабумом.

Жизнь только тогда обретает смысл, когда человек берётся за что-то по-настоящему нелепое и неосуществимое.

Тайна аксолотля

– Так ты говоришь, для человека существует только то, во что он верит, – сказал я Коле Звереву. – Значит, этот автомат с газированной водой, который я сейчас вижу, существует?

– Конечно, – ответил Коля Зверев, подходя к серому автомату. Он ополоснул стакан, подставил его под кран и порывлся в карманах. – У тебя трёх копеек не найдётся?

Я дал ему три копейки. Коля Зверев забросил монету и выбрал крем-соду. Автомат сплюнул сироп и со злобным шипением наполнил стакан газированной водой. Коля Зверев отхлебнул и медленно, с наслаждением выдохнул.

Прополоскав другой стакан, я неуверенно опустил три копейки в автомат.

– Сразу два сиропа? Разве так бывает?

– Бывает, – выдохнул Коля Зверев, отхлёбывая из стакана. – Иной раз даже три. Редко, но бывает.

Я нажал на кнопку с лимонным сиропом, вынул стакан прежде, чем он наполнился, поднёс брызгающуюся крупными пузырями воду ко рту и проснулся от стука в окно.

Моя квартира на одиннадцатом этаже, и за всю жизнь мне в окно никогда не стучали.

«Карлсон», – подумал я и продолжил спать.

Стук не прекращался. Я приоткрыл глаза, подумал: «Нет, это Коля Зверев на летающем динозавре», – повернулся на другой бок и стал досматривать сон, так удачно подхлывший к жаркому воскресному утру.

Стук стал ещё сильнее и раздражённее. «Это же Коля Зверев на летающем динозавре!» – подумал я, сразу проснулся, выскочил из постели и бросился открывать окно.

– Смотришь на меня так, будто я какой-нибудь Питер Пэн, – проворчал Коля Зверев, перелезая через подоконник. – Что тебе такое приснилось, что аж не добудиться?

Спросонья я удивился было, что Коля Зверев задаёт такие вопросы: ведь он же сам мне и снился, но вслух ничего не сказал.

Он говорил, что если человек не верит в то, что видит, то он принимает это за сон. Тогда странно, что я считаю сном Колю Зверева, пьющего воду из автомата с газировкой, а его же, летающего на динозавре, я сном не считаю.

– Дурабум сегодня встречается с Профессором, – сообщил Коля Зверев, доставая колбасу из моего холодильника. – Надо поддержать Дурабума.

– В чём поддержать? – спросил я, протирая заспанные глаза.

Коля Зверев достал из пакета хлеб, сделал два бутерброда, скормил один из них динозавру, а другой стал было есть сам, но, вдруг вспомнив о чём-то, сделал ещё один бутерброд и протянул его мне.

– Профессор упёрся рогом и отказывается участвовать в «безумной антинаучной авантюре». А без его расчётов нам на Луну не полететь. Надо его переубедить.

– А как? – спросил я, пытаюсь одновременно есть бутерброд и одеваться. – Это же и есть безумная антинаучная авантюра.

Коля Зверев очень строго на меня посмотрел, доел последний кусок бутерброда и суровым голосом учительницы, спрашивающей домашнее задание, сказал:

– Мы же решили полететь на Луну. Как ты собираешься лететь, не сделав расчёты?

Я, конечно, куда угодно готов лететь, если мне десять лет или если я выпил несколько бутылок пива в компании школьных друзей. Но утром в воскресенье я ещё в своём уме... Или почти в своём – с поправкой на летающего динозавра за окном. Я взял хлеб и колбасу, чтобы сделать ещё один бутерброд и за ним обдумать, как выкрутиться из этой опасной истории, но Коля Зверев выхватил еду у меня из рук.

– Нет времени на долгий завтрак, – сказал он. – Там поедим.

Он потащил меня к окну.

– Но почему Профессор послушает меня, если вас не послушал?

– Дурабума он считает неучем и шарлатаном, меня – завравшимся фейкомётом, а тебя он давно не видел и подзабыл. Ты со своей недоразвитой фантазией вполне можешь сойти для него за здравомыслящего человека, – ответил Коля Зверев. – Да садись уже! Он двоих выдерживает – проверено.

Он уже перебрался через подоконник на шею динозавра и тянул за собой меня.

– Ну уж нет! – ответил я. – У меня недоразвитая фантазия, а тут одиннадцатый этаж.

– Считать до одиннадцати я ещё не разучился, – резко ответил Коля Зверев, но вдруг улыбнулся и, меняя тактику, удивлённо спросил: – Ты не хочешь полетать на динозавре? Об этом все мечтают, даже те, кто боится в этом признаться. Не прикидывайся трусом – я ведь знаю, что это не так. Да и нечего тут бояться – на меня посмотри – я постоянно на нём летаю. Ты хоть раз слышал о человеке, который разбился, упав с динозавра? Это совершенно безопасно – просто держись за меня. Да не так сильно – задушишь же!

– А ты когда-нибудь слышал о человеке, задушенном на динозавре? – проворчал я, устраиваясь позади Коли Зверева.

Я знаю, что его слова – простенький приёмчик, чтобы меня подзадорить, и сел на динозавра не потому, что Коле Звереву удалось заговорить мне зубы. Я действительно с детства мечтал полетать на динозавре. Ну, кто бы от такого отказался?!

Оно того стоило! Динозавр плыл над улицами, то плавно уменьшая, то увеличивая высоту. Нисколько не трясло и не укачивало. Динозавр не стрекотал крыльями как насекомое и даже не размахивал ими как птица, а только медленно поворачивал их, будто закрылки самолёта.

Когда-то люди удивлялись тому, что толстый шмель может летать на своих маленьких крылышках. Самолёт с такими крыльями не смог бы взлететь. Шмель в отличие от самолёта машет крыльями, и в этом секрет его полёта. У динозавра по сравнению с его массивным телом крылья были ещё меньше, чем у шмеля, он ими почти не махал, и природа такого полёта была для меня тогда ещё загадкой.

Люди внизу, как и рассказывал Коля Зверев, не обращали на нас внимания, да и я сам вскоре перестал воспринимать происходящее всерьёз и уже не цеплялся за спину водителя так сильно, как сначала. По воскресеньям в это время я всегда сплю. Вот только что видел сон про автомат с газировкой, а ведь он гораздо реальнее летающего динозавра – такие автоматы исчезли не так давно, как динозавры, когда-то я сам их видел и пользовался ими, а вкус той газировки я помню до сих пор. Если мой полёт на динозавре – только сон, то бояться нечего – во сне со мной ничего плохого случиться не может.

От таких мыслей страх, которого у меня и так не было, пропал окончательно. Летать во сне мне приходилось нередко.

– Прилетели, – сказал Коля Зверев, когда я только начал входить во вкус. – Надо найти место, чтобы причалить.

– Просто оставить динозавра на улице разве нельзя? – спросил я.

– Конечно, нельзя. Это собаку можно привязать у магазина, и никто не станет дёргать её за хвост, садиться ей на спину или тушить об неё окурки, а к динозавру обязательно привяжутся все кому не лень.

– Но ты же говорил, что динозавра никто не видит.

– Вовсе я этого не говорил. Конечно, его видят – люди же не слепые. Просто всерьёз не воспринимают. Думают, что это скульптура или скамейка – он всегда замирает и не двигается, когда ждёт, или думают, что он иллюзия, а со своей иллюзией каждый волен делать что ему вздумается.

– Где же ты его оставляешь?

– Там, где до него трудно добраться. Даже если кто и увидит динозавра на крыше дома, то вряд ли туда полезет. Впрочем, с тех пор как везде стали закрывать парадные, чердаки и пожарные лестницы, я его на крыше не оставляю. Надо найти какое-нибудь дерево в безлюдном месте, чтоб полиция не заметила, как мы слезаем. Хорошо, если полицейский с чувством юмора попадётся и просто выговорит за то, что мы в нашем возрасте так себя ведём, а то пару раз мне штраф платить приходилось. И, конечно, нельзя говорить полицейскому, что слез с динозавра. В этом случае штрафом не отделаешься.

Мы опустились на крону какой-то липы, где динозавр удобно расположился среди веток и затерялся в листве, прыгнули с дерева, поймав на себе несколько осуждающих взглядов бабушек, сидевших на скамеечке неподалёку, и направились к ресторану быстрого питания на углу сквера.

– Они там встречаются? – удивился я. – Дурабум говорил, что Профессор – человек состоятельный. Я думал, он может себе позволить что-нибудь получше.

– Если человек сосредоточен на чём-то важном, он не может отвлекаться на посторонние предметы, – ответил Коля Зверев. – Деловые люди едят там, где можно думать о деле, а не об еде. Если еда вкусная, мысли рассеиваются, и человек отвлекается от серьёзных дел. Деньги не любят, когда о них забывают, и человек, посвятивший им жизнь, должен от многого отказаться.

«Бизнесмен должен, наверное, обладать немалой самоорганизацией, чтобы, придя в ресторан быстрого питания, не забыть там поесть», – подумал я.

Дурабум и Профессор уже сидели за столиком у окна и что-то ели, разевая рты так, что нетренированный человек сразу же вывихнул бы челюсть. По хмурому лицу Профессора и пристыженному Дурабума было видно, что разговор у них не клеился.

На нас с Колей Зверевым Профессор зыркнул как на врагов, когда мы ещё только подходили к их столику. Коля Зверев представил меня, и я прочитал в суровом взгляде Профессора: «И ты в этой компании!» Руку он мне пожал холодно, будто мы не были одноклассниками.

– Вы должны повлиять на этого обезумевшего неуча, а не потакать его опасным фантазиям, – заявил Профессор. – Неизвестно, до чего вы с ним когда-нибудь доиграетесь! Я это не со зла говорю – вы же понимаете. Он талантлив – никто не спорит, но именно этим он и опасен для себя и окружающих. Нельзя же всю жизнь оставаться дурабумом – пора бы повзреть!

Профессор обвёл нас высокомерным взглядом и вернулся к еде.

– Но ты же делал расчёты для ракеты из консервных банок, – сказал я.

Профессор отложил надкушенный гамбургер и свирепо сверкнул на меня казавшимися через толстые стёкла очков выпученными глазами.

– Мы были детьми! – огрызнулся он. – Это была всего лишь игра.

– Ну, игра – не игра, а до Луны мы тогда долетели, – заметил Коля Зверев.

– Чушь! Никуда мы не долетели! – не повышая голоса, но с надрывом сказал Профессор. – Мы просто сидели внутри, завывали, изображая взлёт, и светили наружу карманными фонариками – делали вид, что это фотонные двигатели. Вот что было!

– А как мы на Плутоне в снежки играли, ты тоже не помнишь? – еле слышно спросил Дурабум.

Профессор поперхнулся. Коля Зверев похлопал его по спине и сказал:

– Ничего же не случилось. Ну, слетали – ну, вернулись. Ты всё отлично рассчитал, Дурабум всё отлично сделал. Допустим, тогда у нас многое получилось не идеально – тут я с тобой совершенно согласен, но сейчас у нас совсем другие возможности и гораздо больше знаний и опыта. Ни о консервных банках, ни о совместном вое речи не идёт. Сделаем всё как взрослые образованные люди – разумно и умеренно, ничего экстремального: только долетим до Луны

и сразу обратно. Что тебя так беспокоит? Тебя лететь никто не заставляет – сделай расчёты, и всё. Не воспринимай всерьёз, считай, что это только шутка.

Профессор застонал.

– Шутить пусть в цирк идёт! – глухо прорычал он. – Это не смешно. Это законы природы! Понимаешь?! С законами шутки плохи. Много таких шутников уже дошутились.

– Да ладно! – придурковато улыбнулся Коля Зверев. – Что это ты такой законник оказался? Неужели ни разу ни одного закона не нарушил?

Профессор наклонился к нам и тихо сказал:

– Это с умом делать надо, а если ума нет – лучше и не пытаться. Если бы я к законам как Дурабум относился, сидел бы сейчас совсем в другом месте и очень надолго. Он думает, что с законами природы шутить можно – за это не сажают. А с ними всё гораздо серьезней: если что – не отмажешься.

Разумные слова Профессора нас всех смутили. Дурабум совсем стушевался, почувствовав себя преступником.

– Тут дело в масштабе, – попытался поддержать его я. – Тех, кто нарушает по-мелкому, – сажают, про тех, кто нарушает по-крупному, – снимают кино, кто в мировом масштабе нарушает – получает международные премии, а для Чингисхана законы вообще не существовали. Дурабум же не палец в розетку суёт – он нарушает масштабно. Может и Нобелевскую премию когда-нибудь получить. Магнит внутреннего сгорания на неё, пожалуй, потянет.

– Что-то не припомню, чтоб автомеханику давали Нобелевскую премию, – саркастически усмехнулся Профессор. – Если этот чудо-магнит действительно существует, то пусть Дурабум об этом заявит и получит патент на изобретение, а не скрывает его от человечества.

– Когда человечеству что-то понадобится, оно это и так получит, – грустно сказал Дурабум. – Ну, ты понимаешь, Герон Александрийский изобрёл реактивный паровой двигатель две тысячи лет назад. Заявил – а что толку? Его современники пожалы плечами и тут же забыли. Не строили древние римляне ни железных дорог, ни самолётов. Когда паровые двигатели людям понадобились, тогда они и появились, и реактивные двигатели тоже. А когда понадобилось радио, его почти одновременно изобрели несколько инженеров из разных стран. Когда-нибудь люди снова захотят полететь на Луну, тогда им понадобится магнит внутреннего сгорания, и его сразу кто-нибудь изобретёт, а сейчас все только пожмут плечами и скажут, что это ерунда бесполезная и быть такого не может.

Профессор раздавил нас строгим взглядом и сказал:

– И ты хочешь, чтобы я делал расчёты того, чего нет, не может быть и никому не нужно?

– Почему же нет? – спросил Коля Зверев. – Если уж на то пошло, то магниты внутреннего сгорания в США уже давно применяются.

– Ничего про такое не слышал, – по-прежнему хмуро, но уже с некоторым интересом сказал Профессор.

– Неудивительно. Это военные разработки.

По торжествующему лицу Коли Зверева можно было заметить, что он не сомневается в силе последнего аргумента, но Профессор не впечатлился:

– Тогда откуда ты про них узнал?

Выражение лица Коли Зверева не изменилось, он ответил сразу, но голос его звучал уже чуть менее самоуверенно:

– Кое-что просачивается и в открытые источники. Вот, недавно по CNN рассказывали, что Илон Маск...

– Только вот не надо сравнивать Илона Маска с Дурабумом! – раздражённо перебил Профессор.

– Отчего же не сравнить двух умных людей?

– Если вы такие умные, то почему такие бедные? – выпалил Профессор.

– Ты неправильно рассказываешь, – тихо сказал Дурабум. – В анекдоте говорилось: «Если вы такие умные, то почему строим не ходите?»

– Александр Македонский как-то раз пристал с подобными вопросами к Диогену, а тот, не вылезая из бочки, сказал: «Отвали, Саня, – солнце заслоняешь», – сказал Коля Зверев.

Профессор скучаяще взглянул на него и совершенно профессорским тоном провещал:

– Ты мне про бедность Диогена рассказывать будешь? А ты не забыл, что дело было в Греции? Там такой климат, что можно спать и на улице. Все знают, что у Диогена была бочка, а какая ещё недвижимость у него была, какие счета в каких банках – про это умалчивают. Одних гонораров, небось, столько получал, что Дурабуму и не снилось. И вообще, нашли с кем Дурабума сравнивать – то с Илоном Маском, то с Диогеном, то с Героном Александрийским или вообще с Чингисханом. Они люди известные, всего добившиеся, а этот – обычный неудачник. Чего он в жизни создал? На что заработал? В космос он лететь собрался! Ты для начала хотя бы бизнес свой организуй, вместо того чтобы на автосервисе корячиться. Бизнес-план я бы другу помог составить, а помогать тебе угробиться самому да и ещё этих двоих сумасшедших угробить – этого я делать не буду. Запретить тебе быть самоубийцей я не могу, а меня ты убийцей не сделаешь.

Методы Коли Зверева на Профессора, похоже, не очень-то действовали. Оно и понятно – кому легко заговорить зубы, тот богатым не станет. Воспользовавшись паузой, пока Коля Зверев обдумывал новые доводы, я высказал Профессору свой аргумент. Меня же для того сюда и притащили, чтобы я убедил Профессора, когда у других это не выходит:

– Спорим, что магнит внутреннего сгорания и летающий остров существуют? – предложил я. – Если проиграешь – рассчитаешь нам полёт на Луну.

Я скопился на Колю Зверева, рассчитывая, что он оценит этот мой ход, но его лицо почему-то выражало не радость, а скорее досаду.

Профессор тяжело вздохнул, подняв взгляд к небу.

– У меня нет времени на детские игры, – страдальчески произнёс он.

– Это не долго, – настаивал я. – Больше времени препираться будем.

Мы встали из-за стола. Коля Зверев пошёл в сквер за динозавром, а мы – к машине Дурабума, стоявшей рядом на парковке.

– Когда ты себе нормальную машину купишь? – проворчал Профессор. – Неужели не стыдно ездить на таком хламе?

– Я на ней за городом езжу, – стал оправдываться Дурабум. – Ну, ты понимаешь, старые машины проще отремонтировать, и переделки всякие в ней легче сделать. Магнит внутреннего сгорания я в современной машине и разместить бы не смог...

– Да всё уж понятно! – буркнул Профессор и, сердито отмахнувшись, сел в машину.

В городе трясло невероятно. Мрачный Профессор сидел, вцепившись в дверь, и угрюмо молчал, чувствуя свою правоту: конечно, на таких машинах могут ездить одни неудачники. На просёлочной дороге трясти перестало, но Профессор этого не заметил: он был так же угрюм и молча держался за дверь. Когда машина оторвалась от земли и поднялась над деревьями, он закатил глаза и тяжело вздохнул. Я ткнул его в бок и указал за окно, когда там показался летящий параллельным курсом Коля Зверев на динозавре. Профессор взглянул и с тихим стоном отвернулся.

На острове, как только Дурабум заглушил магнит, я выскочил наружу и несколько раз подпрыгнул, размахивая руками, чтобы согреться и показать Профессору, что остров надёжен и можно выходить. Но он моему примеру не последовал – только приоткрыл дверь, обвёл остров безразличным взглядом и вопросительно на меня посмотрел:

– Ну?

– Теперь-то ты поверил? – спросил я, обводя рукой вокруг себя.

– Во что? – устало спросил Профессор.

– В летающий автомобиль, в остров на аэростате...

– Ага! И ещё в Колю Зверева на динозавре! – Профессор задохнулся от возмущения. – По-твоему, значит, я должен поверить в этот очевидный, грубо слепленный фейк?!

Я растерялся. Мой план не сработал. По лицу стоявшего рядом Коли Зверева было видно, что ничего другого он и не ожидал.

Дурабум высунулся из машины и грустно спросил:

– Ну что, обратно поедем?

– Да уж избавьте меня от постановок вашего убогого драмкружка! – потребовал Профессор. – В любом заштатном доме пионеров изобразили бы убедительней.

Коля Зверев достал смартфон и с озабоченным видом что-то в него написал.

– У тебя какая модель? – спросил Профессор, в первый раз за всё время проявляя какую-то заинтересованность.

– Десятая.

– А у меня восьмая. В твоём сколько памяти?

Он вышел из машины, и они с Колей Зверевым стали сравнивать телефоны, а Дурабум в это время вынес из дома три бутылки пива.

Смартфон Коли Зверева пискнул. Взглянув на экран, тот поспешно сунул гаджет в карман.

– Пива будешь? На ход ноги, – спросил он Профессора, распоряжаясь как у себя дома.

– Я за рулём.

– Ничего, Дурабум отвезёт. Он пить не будет – у него, сам знаешь, дури своей хватает.

Профессор согласился, видимо, обрадовавшись, что неприятная ему тема закрылась. Дурабум, глупо улыбаясь, чокнулся с нами кулаком, мы выпили.

Профессор расспросил меня, чем я теперь занимаюсь, а Коля Зверев у него за спиной показал Дурабуму свой смартфон. Тот в ужасе прижал ладонь ко рту и умоляюще посмотрел на Колю Зверева, непреклонный взгляд которого будто говорил: «Иначе никак».

Коля Зверев рассказал анекдот, Дурабум вспомнил историю, приключившуюся с одним клиентом автосервиса. Мы смеялись и болтали, не касаясь в разговоре ни нашего школьного прошлого, ни окружавшей нас фантастической реальности. Коля Зверев и Дурабум явно замыслили что-то отчаянное и теперь тянули время. Не знаю, догадывался ли об этом Профессор – по крайней мере, он повеселел, вёл себя непринуждённо и тоже рассказывал что-то смешное.

Запищал звонок.

– Это у меня, – сказал Коля Зверев Профессору, потянувшемуся было за своим телефоном.

Посмотрев на экран, Коля Зверев изящным движением вернул телефон в карман.

– Хорошо посидели, – сказал он. – Всегда приятно увидеть старых друзей. Чаше встречаться надо. Полечу к себе, а Дурабум вас отвезёт.

Профессор стойко перенёс обратный путь, ни словом, ни вздохом, ни фырканьем не выдал своего отношения к происходящему. Он сидел рядом с Дурабумом и, вцепившись в дверь, неподвижно смотрел вперёд.

На перекрёстке за въездом в город перед нами появилась зловещая фигура в плаще и с пластиковым пакетом в руках.

– Ой, вы только посмотрите, кто это! – с наигранным удивлением воскликнул Дурабум, съезжая на обочину.

Незнакомец, саркастически улыбаясь, приблизился к нам. Я узнал его. Прошло много лет, он изменился до неузнаваемости, но эта улыбка выдала его сразу – только один человек мог так улыбаться.

– Ого! – воскликнул я.

Профессор охнул.

Экипаж ракеты из консервных банок состоял из пяти человек. Пятым был Яблочков.

«Если вы меня не возьмёте, я обо всём расскажу классной, и вы всю жизнь будете жалеть, что толкнули меня на такой подлый поступок», – сказал тогда он, и, хотя мы прекрасно понимали, что он этого не сделает – Яблочков слишком презирал нашу классную, чтобы опуститься до разговора с ней, взять его с собой пришлось, или после нашего возвращения он извёл бы всех своими жалобами. Изводить он был мастер.

Именно этот человек ждал нас теперь на перекрёстке.

– Это что, совпадение?! – прошипел Профессор.

– Ну, ты понимаешь, всякое в жизни случается, – пробормотал Дурабум.

– Знаешь, какая вероятность встретить в городе динозавра? – попытался пошутить я, но Профессор обернулся и так на меня посмотрел, что я сразу осёкся. Пожалуй, действительно не стоило поминать динозавров.

– Привет, мерзавцы! – дружелюбно сказал Яблочков, садясь рядом со мной. – Куда едем?

– Лично я еду домой, – не оборачиваясь и не отвечая на приветствие, проворчал Профессор.

– Отлично! – сказал Яблочков, оттесняя меня к двери и располагаясь поудобнее. – Посмотрим, как ты устроился, когда весь народ страдает.

– Кстати, – вдруг вспомнил Дурабум, не дав Профессору ответить, – ты же говорил, что твоя семья уехала на Мальдивы, то есть мы никого не побеспокоим.

– Мальдивы! – подхватил Яблочков. – Когда одним не хватает денег, чтобы поехать за город, на дачу, другие отправляют семью на Мальдивы. Как это типично!

– У меня нет дачи за городом, а на Мальдивах есть, – буркнул Профессор.

Яблочков мечтательно уставился в потолок и сказал:

– И я мог бы быть миллионером, в любом нормальном обществе я бы им был, но долг интеллектуальной элиты в наши дни быть рядом с народом. А на Мальдивы пусть едут другие.

– Спасибо, что разрешил, – проворчал Профессор.

– Я что?! Езжай, если совесть позволяет.

Дурабум, видимо, подумал, что эти слова обращены к нему, и мы поехали. Яблочков небрежно повернулся ко мне, вдавив меня в дверь ещё сильнее.

– А ты всё такой же бездарный графоман? – дружелюбно спросил он. – Как же! Я видел в интернете. Пытаешься отсутствие вкуса и таланта скрыть за потугами на детсадовский юмор? Поверь, это сейчас никому не интересно. Тебе стоило бы самому прочесть что-нибудь хорошее, прежде чем браться за то, на что не хватает ни ума, ни способностей.

Надо же! А я и не знал, что в интернете меня кто-то читает.

Квартира Профессора занимала два верхних этажа нового высотного дома.

– Хорошо живёшь! – сказал я, оглядевшись в прихожей, которая одна была больше всей моей квартиры.

– Индивидуальный проект, – с гордостью ответил Профессор. – Долго дом выбирали. План квартиры я сам разработал.

– Это ж сколько пенсий наших нищих стариков на это ушло! – высказался Яблочков.

– За эту квартиру я платил, а никакие не старики, – проворчал в ответ Профессор. – И вовсе они не нищие. Мои родители очень приличные пенсии получают.

– Нисколько в этом не сомневаюсь! – с сарказмом произнёс Яблочков.

Из огромной гостиной на верхнем этаже был сделан выход на обширную террасу. За прозрачной стеной, отделявшей квартиру от террасы, открывался шикарный вид на город, который был, пожалуй, не хуже вида с заоблачного острова Дурабума. Неудивительно, что Профессора тот участок нисколько не впечатлил.

Противоположная стена гостиной тоже была прозрачной. За ней в разного размера аквариумах резвились рыбы невиданной красоты, разноцветные кораллы колыхались то ли сами по себе, то ли от искусственного течения, проплывали черепахи, тритоны и другие подводные создания, названия которых я не знаю.

Пока я любовался красотами стеклянной гостиной, с террасы вошёл Коля Зверев.

– Привет всем, кого не видел! – бодро сказал он и добавил, кивая на дверь террасы: – Зря не запираешь.

Профессор что-то невнятно пробормотал. Интересно, в полной ли мере он заметил Колю Зверева. Конечно, в том, что тот вошёл через дверь террасы, не было ничего фантастического, но как он оказался на террасе на крыше высотного дома? Профессор не мог не задать себе этот вопрос, а ответив на него, имел все основания не замечать Колю Зверева.

– Ну, здравствуй, убийца! – ответил Яблочков, к которому приветствие было обращено в первую очередь.

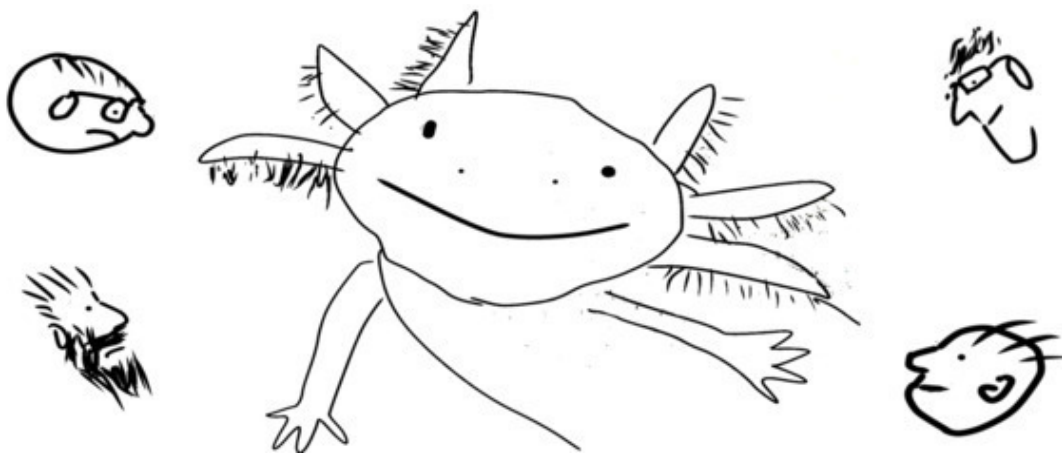
Коля Зверев отреагировал на эти слова не сразу. Аквариумная стена, конечно, заинтересовала его больше, чем чьи-то язвительные замечания.

– Так ты тоже интересуешься живой природой? – спросил он.

– Нет, – ответил Профессор. – Это была идея дизайнера. Я только смотрю иногда, чтобы нервы успокоить. Сюда каждый день приходят специалисты из зоопарка и делают всё, что там надо.

– Жаль, что не интересуешься, – рассеянно сказал Коля Зверев. – Тут о многом интересном можно было бы поговорить.

Он подошёл к аквариуму, в котором плавало серое создание с длинным плоским хвостом, большой головой и коротенькими лапками. Жабры твари были украшены бахромчатым воротником, глазки-точечки казались слишком маленькими для такой крупной морды, а огромная пасть от жабры до жабры была растянута в наивной детской улыбке.

– Вот, например, аксолотль, – сказал Коля Зверев. – С виду взрослое, солидное животное, и сам себя таким наверняка считает, а на деле личинка, вроде головастика. Не взрослеет. Уже и большой, вроде бы, и дети собственные завелись, а он всё головастик. Если с ним приключатся какие-нибудь невзгоды: вода, например, пересохнет, то он может стать взрослой особью, если не околеет. А так обычно остаётся ребёнком до конца жизни. Это называется неотенией. Бывает и у людей, особенно у мужчин: взрослый, солидный, большой человек, уж и внуки растут, а он всё паровозики по полу катает.

– Ты на что намекаешь? – недоверчиво спросил Профессор.

Коля Зверев в ответ только пожал плечами.

Мы расселись за круглым столом, стоявшим посреди гостиной.

– Так чего же это я убийца? – поинтересовался Коля Зверев.

Яблочков развалился на стуле, принимая трагическую позу.

– Вы убили во мне поэта, – произнёс он. – Ещё тогда, в школе. С какой жестокостью, свирепостью и беспощадностью бездарность всегда преследует талант! Впрочем, я не первый, кого подвергли травле такие, как вы. Мир потерял поэта. Поэт умер для человечества. Вы все его убили. Вы убийцы!

– Ну, значит мы хоть что-то хорошее сделали для человечества, – бодро ответил Коля Зверев.

В школе Яблочков действительно терроризировал всех своими депрессивными стихами, а мы всеми доступными школьникам средствами старались объяснить ему, что его стихи плохие. Значит, всё-таки смогли убедить, и поэт в нём умер. У меня от сердца отлегло, когда я это услышал.

– Да что мы сюда за разговорами пришли?! – воскликнул вдруг Яблочков. – Народ нас не поймёт!

– Виски? – предложил Профессор.

– А хотя бы и так! – ответил Яблочков. – Я, вообще-то, человек простой, плоть от плоти народной – предпочитаю заграничной дряни нашу простую, исконную водку. Надо, надо быть ближе к народу в такое время.

– В какое время? – тихо спросил Дурабум.

– В то время, когда народ пьёт водку, – тихо ответил Коля Зверев. – Не раньше и не позже.

– Водка у меня тоже есть, – сказал Профессор.

– Нет уж – нет уж: сказал виски, значит виски, – поспешно отозвался Яблочков. – Приобщимся к чуждой культуре.

Профессор достал из бара виски и разлил по стаканам.

Яблочков вытащил из пластикового пакета, который всё время держал в руке, толстую чёрную книгу с белым заголовком: «Под железной пятой. История геноцида интеллигенции», достал из кармана ручку с золотым пером, расписался на титульном листе, толкнул книгу через стол Профессору:

– На, вот, почитай, – и вдруг, вспомнив, указал на меня пальцем со словами: – Сегодня у меня второй нет. Не забудь напомнить, чтоб в следующий раз я и тебе принёс.

Профессор задумчиво перелистал книгу.

– Труд многих лет, – пояснил Яблочков. – Только факты. Уникальное издание. Всего сто экземпляров. Пришлось за свой счёт – ни в одно издательство не принимали. Мне по большому секрету сказали, – тут Яблочков понизил голос до шёпота, впрочем, довольно громкого, – указание исходило с самого верха. Вы бы видели, какая там у них паника началась, когда они только узнали, что я собираюсь писать эту книгу!

– Да, читал я её, – подтвердил Коля Зверев. – Кошмар! Хорошо, что я не интеллигент.

– Это про какое время? – спросил я.

– Про любое, – ответил Яблочков. – Интеллигенцию всегда преследовали и подвергали страшным гонениям: Сократ, Жанна д'Арк, Джордано Бруно... Да что за примерами далеко ходить – я сам. Пепел стучит в моё сердце, и боль каждого страдальца проходит через мою душу. Я Сократ, я Галилей, я... – он замолчал, осторожно озираясь, и, наклонившись к нам через стол, заговорил совсем тихо: – Одно я вам всем скажу, – тут он сделал паузу и медленно, подчёркивая каждое слово, проговорил: – Валить отсюда надо.

– Зачем? – наивно спросил Профессор.

– А что, скажешь, тебя тут всё устраивает?! – свирепо рявкнул Яблочков.

Вопрос явно не допускал положительный ответ, и Профессор смущённо пропищал:

– Ну, не всё... А куда? Думаешь, в Европе или в Штатах намного лучше?

Яблочков презрительно усмехнулся:

– Европа, Штаты! Ну, сколько же мы будем мыслить местечковыми категориями?! Дескать, вот мой двор, моя хата, а за поворотом дороги мир кончается!

– Да что ж там такое за поворотом дороги? Я много где был. Ну, климат другой, ну, говорят на другом языке, а жизнь-то в принципе...

– Слушай, Профессор! – резко оборвал его Яблочков. – Ты вообще на нормальной планете когда-нибудь жил? Вот и нечего мне рассказывать, как у нас тут всё прекрасно!

– Но ведь на других планетах, – растерянно забормотал Профессор, – там атмосферы нет, и жизнь невозможна, и излучения вредные...

– Ну, конечно! А у нас, значит, прекрасная атмосфера, жизнь замечательная и никаких излучений! Так?! А повальное пьянство, нищета, хамство, воровство – это не у нас? Это где-то на Марсе? Да ты вспомни, как мы на этой, как её? – он прищёлкнул пальцами и указал на Дурабума.

– В системе Альфа Центавра, – напомнил Дурабум. – Но мы там были совсем недолго.

– Да! Так вы помните, какие там зарплаты, пенсии, как там права человека соблюдаются, а главное, как там ценят настоящих интеллектуалов! Меня там на руках носили, умоляли остаться. Но советское воспитание и какое-то гипертрофированное чувство патриотизма, которое я никак не могу в себе изжить, заставило меня вернуться. Я не смог тогда бросить Землю – изгаженную, измученную, погрязшую в пьянстве и воровстве, но всё же такую родную...

Говоря это, Яблочков в порыве вдохновенья встал и, медленно двигаясь вокруг стола, приближался к Профессору. Чувствуя, что назревает кульминация их беседы, я и Коля Зверев стали так же медленно отодвигаться от Профессора. Дурабум, хоть он и сидел на другой стороне стола, тоже отползал на стуле назад.

– Какая Альфа Центавра?! – прошипел Профессор. – Туда ещё ни один космический аппарат не долетел!

– Конечно, Профессор, ни один не долетел. Продолжай верить дальше провластным фантастам и продажным СМИ. Нигде, кроме как у нас, жизнь невозможна, ракеты никуда не летают, так что живите где вам приказали и не жужжите.

– А что же, мне тебе-трепачу верить?! – вскипел Профессор. – Я университет окончил и аспирантуру. А тебя, интеллигент хренов, с какого курса выгнали? Оставить его на планете хотели, как же! Да тебя гонят отовсюду, неудачник! Своим умом копейки заработать не можешь, нищесброд, а всё туда же – другим нотации читаешь!

– Я, по крайней мере, ни копейки не украл, а ты в малиновом пиджаке народ в девяностые обирал, а теперь элитой себя возомнил! Умный ты, да?! Образованщина! Только деньги считать можешь! А ну скажи, Профессор, сколько будет дважды два?!

– Не твоё дело! Четыре!

– А семьсот девяносто два на пятьдесят шесть?!

– Сорок четыре тысячи триста пятьдесят два! Сам считать поучись, халывщик!

– А четыреста триста семьдесят восемь на тридцать два квинтильярда?!

– Чего?!

– Что, цифры кончились?! Так заткнись и слушай, когда с тобой интеллигентный человек разговаривает! Я тебя не боюсь – не надейся! Ни тебя, ни всю вашу олигархическую шоблу. Недолго вам всех мучить осталось! Знаешь, зачем я ночами не спал, недоедал и при лучине писал этот труд?! – Яблочков постучал пальцем по лежавшей на столе книге.

– Знаю! – взвизгнул Профессор, вскакивая. – Вот зачем!

Он обеими руками схватил книгу и с размаху стукнул ей Яблочкова по голове. Заметив, что Профессор собирается повторить удар, Яблочков резко развернулся и бросился бежать, а Профессор, подняв книгу над собой, мчался за ним. Они носились вокруг стола, осыпая друг друга неразборчивыми политическими, экономическими и нецензурными обвинениями.

Невероятно, что в этих двух вовсе не молодых людях оказалось столько энергии. Мы едва успевали поворачивать головы, следя за их бешеной гонкой.

Я понял, почему политики так любят вести переговоры именно за круглым столом: вокруг него можно с воплями носиться, не рискуя расшибиться об углы.

– Детский сад! – не веря своим глазам, пробормотал я.

– Аксолотль, – сказал Коля Зверев, – всю жизнь головастик.

Между тем двое великовозрастных аксолотлей носились всё быстрее. Казалось, ещё немного, и они начнут излучать электромагнитные волны.

– Ну, допустим, Яблочков действительно типичный аксолотль, – ответил я, – но Профессор-то... Серьёзный человек, бизнесмен, в летающие острова не верит...

– Профессор-то? Аксолотль. Самый настоящий. Только скрытный. Так старательно корчит из себя взрослого, что иногда безбожно переигрывает. Но тут нашла коса на камень. Яблочков – этот кого угодно выведет на чистую воду. Даже меня!

При этих словах Коля Зверев резко выставил вперёд ногу и тут же спрятал её обратно под стул. Яблочков, описав дугу, совершил жёсткую посадку в метре от того места, где предательская нога прервала его бег. К счастью, на полу был постелен мягкий ковёр. Профессор, не успев затормозить, споткнулся об Яблочкова и повалился на него.

– Ты что! – поразился я.

– Ну, я ведь немножко тоже... – смущённо ответил Коля Зверев.

Профессор между тем зашевелился и приподнялся, осознавая, что с ним произошло.

– Они так убиться могли, – сказал я. – Не дети всё ж таки.

– Кто не дети? – спросил Коля Зверев.

Он прыгнул к Профессору и вырвал у него из рук книгу, которой тот совсем было собрался вновь стукнуть противника. Профессор вскочил.

– А чего он первый обзывать пошёл! – завопил он, пытаясь дотянуться до книги.

– А ты всё равно провластный олигарх! – продолжал обзывать сидевший на полу Яблочков.

Коля Зверев был на голову выше Профессора. Он держал книгу в вытянутой руке, и Профессор никак не мог до неё допрыгнуть.

– Сделаешь расчёты? – спросил Коля Зверев.

– Да летите вы хоть в Большую Медведицу! Сделаю!

– Честное пионерское?

– Честное пионерское, и чтоб вас там в чёрную дыру засосало!

– Под салютом?

– Моё до вас какое дело?! – кричал Профессор, поднимая над головой руку. – Воспитательница я вам что ли?! Гробьтесь, если вам охота!

– Ладно, – сказал Коля Зверев, отдавая книгу. – Но только один раз.

Профессор шмякнул Яблочкова по голове, внезапно успокоился, положил книгу, тяжело дыша, опустился на стул, порылся в кармане, достал упаковку валидола и сунул таблетку под язык.

– Озверевшее быдло! – хныкал Яблочков, явно не ожидавший от Коли Зверева таких предательских действий. – Вам что, удовольствие доставляет измываться над тем, кто интеллектуально выше вас?

– Доставляет, – ответил Коля Зверев. – Ты даже представить себе не можешь, какое это удовольствие.

Он взял с кресла подушку и со всего размаха хлопнул ей Яблочкова по голове.

Под хныканье и суицидальные угрозы интеллектуального исполина Профессор отдышался, рассосал таблетку и сказал:

– У меня внизу стоит модель железной дороги. Большая. Одних только стрелок под сотню. Сам собрал. Её ещё никто не видел. Хотите, покажу?

Железная дорога была грандиозная. Она занимала целую комнату, которую Профессор запирает на ключ – сюда он не пускает даже своих домашних. Он не знал, что играть в железную дорогу гораздо интереснее в компании.

Забыв о времени, мы собирали составы, гоняли их от станции к станции и устраивали аварии. Только донёсшееся с террасы громкое зевание динозавра – единственного из нас, кого не заинтересовала железная дорога – напомнило нам, что уже начался понедельник и нам пора по домам.

Была уже поздняя ночь. Мы не торопились. Динозавр слегка шевелил осинными крыльями. Сверху спальный район со своими прямыми улицами и прямоугольниками домов напоминал электронную печатную плату. Укрытый темнотой, местами нарушавшейся неярким светом фонарей и фар случайных машин, он казался таинственным и полным загадок.

– Надеюсь, теперь Яблочков бросит писать так многословно, – сказал Коля Зверев. – Чем толще книга, тем больше читателю хочется стукнуть ей автора по голове.

– Думаешь, теперь Профессор сделает расчёты? – спросил я.

– Точно сделает, – отвечал Коля Зверев. – Он человек слова. Раз обещал, значит сделает.

– Мне показалось, что он за нас беспокоится. Случится с нами что – он себя потом виноватым будет чувствовать.

Коля Зверев еле заметно дёрнул плечами:

– Вряд ли он такой сентиментальный – как-никак в девяностые богатым стал. Да и что с нами по его вине может случиться? Он ведь ошибок не делает.

– Что же он именно сейчас стал отказываться? Раньше ведь рассчитал для Дурабума и магнит, и летающий остров.

На этот раз Коля Зверев пожал плечами уже заметно:

– Не знаю. Человек не машина, при одних и тех же обстоятельствах может повести себя по-разному. Может, он с тех пор кому-то проболтался, его на смех подняли, а он мнительный и очень дорожит своей тайной аксолотля: хочет, чтобы его все считали взрослым и солидным. Вот и упёрся так, что без Яблочкова с места не сдвинешь.

– С Яблочковым нехорошо получилось, – сказал я. – Теперь мы от него не отделаемся – придётся с собой брать.

– Ну уж в этом ты тоже виноват! – ответил Коля Зверев. – Мы и не хотели. Думали, что ты какой-нибудь свежий довод найдёшь, а ты? Машину на магните и остров на аэростате показывать стал! Думал, Профессор всего этого раньше не видел? Никто своим глазам не верит, когда ему показывают то, чего быть не может.

– Ну, ты тоже не лучше придумал, – возразил я. – Что за чушь такая про CNN и про Илона Маска? Ты думал, что он в это поверит?

– Мог поверить, – неохотно ответил Коля Зверев. – Ты не представляешь, в чём можно убедить людей, если сослаться на авторитеты и на международный опыт. Совсем недавно наша фирма, например, пустила в интернете слух, что весь мир отказывается от подземных переходов и заменяет их на зебру со светофорами. Научно, дескать, доказано, что так удобнее и безопаснее. И что думаешь? Ещё как поверили! Сразу и эксперты нашлись, которые доказали, что подземные переходы и права человека нарушают, и мешают дорожному движению, выяснилось, каким злодеям выгодно скрывать от народа правду. Убедить людей можно в чём угодно. Докажем, например, что никчёмный сарай, мешающий строительству дороги, – бесценный шедевр архитектуры, и за него вступятся даже те, кому эта дорога позарез нужна. А уж в таких делах, как, скажем, наука, природа или здоровье...

– Но на Профессора это не очень-то подействовало, – перебил я.

– Не подействовало, – согласился Коля Зверев. – Убедить всех проще, чем кого-то одного. На самом деле всегда остаются такие, кого убедить не удалось, но стоит им подать голос, как на них сразу накидываются все убеждённые, так что их голос никто не слышит. А Профессор – умный человек, его так просто не убедить. Аристотель учил, что убедить кого-то можно с помощью логики, примеров или личности убеждающего. Первые два способа не помогли, вот и пришлось Яблочкова подключать. Не было другого выбора. Если бы мы Профессора не переубедили, пришлось бы Дурабуму самому всё рассчитывать, а он если что-то делает руками, всё всегда получается, но если считать возьмётся, то обязательно где-нибудь плюс с минусом перепутает, и мы вместо Луны полетим к центру Земли, а нам туда не надо.

– Есть вещи и похуже, – возразил я. – Психологическая совместимость в космической экспедиции – это же очень важно. А там, где Яблочков, никакой психологической совместимости быть не может.

– Ну это уж ты загнул: «космическая экспедиция»! Там десяток институтов участвует, тысячи людей – они серьёзным делом занимаются: многолетними научными исследованиями. А мы просто слетаем на Луну, сделаем селфи и обратно. У нас на большее и времени ни у кого нет. А Яблочков пусть ищет свою «нормальную планету» – ему не до нас будет. И если вдруг на нас враги нападут – пообщаются с Яблочковым и побегут с поднятыми руками к космическому прокурору проситься в тюрьму с самыми толстыми стенами и самыми крепкими решётками, чтобы Яблочков не смог до них добраться. Он из нас всех самый боевой.

Слушая Колю Зверева, я удивлялся тому, что ещё утром я не верил в наш космический проект, а сейчас говорил о нём как о решённом деле. Неужели это тоже из-за Яблочкова?

Пожалуй, тут стоит описать его судьбу после школы, как он сам мне рассказывал.

В институт его долго не принимали. Совершенно секретная директива, запрещающая принимать Яблочкова во все вузы страны, была подписана на самом верху, и о ней знали все приёмные комиссии. На экзаменах ему всегда подсовывали билеты, к которым он не готовился, и задавали вопросы, ответы на которые он не знал. Наконец, благодаря родителям, «путём взяток и подлогов – по-другому это у нас не делается» он угодил в какой-то захудалый институт, где полные идиоты учили его не тому и неправильно, а Яблочков из-за своего инакомыслия не смог сдать ни один экзамен. По команде из Москвы его отчислили якобы за неуспеваемость.

Незаконченное высшее образование позволило устроиться на работу в какой-то НИИ, где он ничего не делал, получая за это оскорбительно низкую зарплату.

Во время Перестройки Яблочков бросил решительный вызов власти: он читал оппозиционные газеты, смотрел демократические телепередачи, рисовал плакаты и ходил на митинги. В результате власть пала, НИИ закрылся, работы не стало, а найти новую Яблочкову не дали.

Он несколько раз женился. Но встретить женщину, в полной мере отвечающую его интеллектуальным потребностям, так и не смог. Он был идеальным мужем: уважал право жены на труд и считал в порядке вещей, если в семье зарабатывает жена, но жёны ему попадались отсталые, меркантильные, взгляды Яблочкова они не разделяли и все чего-то от него хотели.

После очередного развода он решил, «взяв в руки единственный чемодан, отряхнуть с ног прах» и уехал за границу. Там он не чурался никакой работы: «лучше мыть полы и посуду в цивилизованной стране, чем зарабатывать миллионы в России». Миллионы он, правда, никогда не зарабатывал, но и полы с посудой мыть не умел, и через пару лет Яблочкова одолела такая ностальгия, что пришлось вернуться. Его, конечно, умоляли остаться, предлагали большие деньги и высокую должность, но он всё равно вернулся с четырьмя чемоданами, набитыми всяким добром, которого, как оказалось, и в России было с избытком, так что всё пришлось выбросить.

Вернувшись, он ушёл во внутреннюю эмиграцию. Там его и застало сообщение от Коли Зверева, что мы собираемся снова лететь в космос, надо только уговорить Профессора, и Яблочков, прервав вынужденное одиночество, все силы положил на то, чтобы открыть нам путь к свободе, подальше от этой постылой и безнадёжной планеты.

Что было дальше – вы уже знаете.

Я попрощался с Колей Зверевым на подоконнике моей квартиры, когда уже начинало рассветать. Воскресенье, сделавшее меня другим человеком, закончилось, и скоро надо было вставать. Но перспектива пойти на работу невыспавшимся меня не пугала.

Человека, у которого есть мечта, вообще ничто не пугает.

Магнит внутреннего сгорания

Ранним воскресным утром мы пили кофе с булочками на террасе профессорской квартиры и любовались просыпающимся городом.

– Странно, что ты только сейчас решил полететь на Луну, – сказал я Дурабуму. – Мы ведь об этом ещё в детстве мечтали.

Он опустил глаза, дуя в чашку, и смущённо сказал:

– Ну, ты понимаешь, я же взрослый стал, а летать на Луну – это не серьёзно, никто из взрослых так не делал. Потом ещё и семья, работа, повседневка заедала. И всё казалось, успеется, времени много, вся жизнь впереди. А теперь вот всё больше понимаю, что жизнь впереди не вся и успеется только то, на что хватит времени, а времени не так уж много – надо сейчас браться за дело, чтобы когда-то успеть.

– Уходит время, – согласился я. – На днях еду в метро, держусь за поручень, а передо мной девушка сидит – молодая такая, красивая. И всё на меня косится, будто сказать что-то хочет. Ну, понятное, думаю, дело: не первый раз девушки на меня засматриваются. Надо, думаю, познакомиться, пригласить куда-нибудь. Пока я об этом думал, проехали пару остановок, она всё это время на меня украдкой взглядывала и сразу глаза отводила. Вдруг автобус тряхнуло – я едва на ногах устоял, но всё-таки не упал. И тут девушка встаёт и говорит мне: «Садитесь, дедушка». Я-то считал себя таким же молодым, каким всегда был, а вдруг оказывается, что и у меня тоже возраст.

– Дело не в возрасте, – утешил меня Профессор. – Я своим возрастом доволен и моложе быть не хочу. Не хватало мне только заново всего добиваться и доказывать, что я не соплик какой-нибудь, тоже заслуживаю уважения, и со мной нужно считаться. А девушка тебя не из-за возраста пожалела: просто стыдно уже, дожив до седин, ездить на метро.

– Ну, это ты брось, – ленивым голосом не согласился Коля Зверев. – Метро – дело удобное, если не набито. Сидишь себе, читаешь книжку и не надо баранку крутить и за светофорами следить или детьми, что на дорогу выбегают. Это как машина с собственным шофёром, и машина эта побольше твоей будет. Если бы у меня не было динозавра, я бы тоже только на метро ездил.

Мы все посмотрели на лежавшего рядом с Колей Зверевым динозавра. Тот поджал хвост и лапы, смущённый таким вниманием. Профессор скептически хмыкнул: он всё ещё не мог относиться к доисторическому птицеящеру с осинными крыльями как к чему-то настоящему, достойному взгляда. Почувствовав это, динозавр сжался ещё больше.

– Человек, которому не повезло иметь совесть, талант и интеллект, никогда не сможет заработать на машину, – печально произнёс Яблочков и, выдержав трагическую паузу, добавил: – На этой планете.

– Всё-таки я хотел полететь в космос, – вдруг вспомнил Дурабум. – Но думал, что все туда и так летать будут. А теперь вижу, что не доживу до этого. Надо, значит, самому.

Профессор насмешливо взглянул на погрустневшего Дурабума и сказал:

– Всё ещё веришь в яблони на Марсе? Брось! Ни на что негодных мест и на Земле хватает. Ничего мы в космосе не потеряли, и искать там нечего.

– Если не будем искать, то ничего и не найдём, – ответил Дурабум. – А потеряли мы там свою детскую мечту. Ну, ты понимаешь, когда-то мы хотели стать космонавтами, радоваться новым открытиям, летать в города, построенные на других планетах, и искать там на ночном небе далёкую Землю. И яблоки с Марса поесть мечтали. А теперь о чём мечтать? О новом смартфоне? А про что я буду по нему разговаривать, если вокруг ничего не происходит?

– Так уж и ничего? – усмехнулся Профессор. – Уж за наш-то век в мире много всего случилось.

– Ничего, – настойчиво повторил Дурабум. – Ну, ты понимаешь, Профессор, полетел первый спутник, четырёх лет не прошло, а в космос уже полетел человек, а всего через восемь лет люди высадились на Луну. Если бы так продолжали, то сейчас бы уж точно на Марс школьные экскурсии летали и привозили обратно марсианские яблоки. Но тогда на этом всё закончилось, и мы зря мечтали о продолжении. Мы забыли про космос, он снова стал далёким и недоступным. Люди ходили по Луне ещё до нашего рождения. А при нашей жизни никогда.

– Тебя это удивляет? – с иронической усмешкой сказал Яблочков. – Если б всем можно было улетать в космос, то кто бы после этого на Земле остался?! Наверху об этом подумали и прикрыли это дело.

Профессор с раздражением посмотрел на Яблочкова, заглянул в пустую кофейную чашечку, хлопнул руками по коленям и встал из-за стола.

– Ладно, – сказал он, – хватит трепаться. Займёмся вашими детскими мечтами, раз уж собрались.

Мы перешли в гостиную. Когда Профессор проходил мимо динозавра, он протянул к нему руку, но не наклонился, а динозавр голову не поднял и остался непоглаженным. Возможно, мне это только показалось.

В гостиной всё уже было подготовлено для проведения фантастических расчётов будущего полёта. На круглом столе лежали сложенные в аккуратную стопку листы клетчатой бумаги, рядом из плоской коробки торчали острия готовых к делу разноцветных карандашей, но там не было ни компьютера, ни калькулятора, ни даже счётов или логарифмической линейки. Когда я сказал об этом, Профессор лишь коротко усмехнулся.

– Хожу я пока без костылей, – сказал он, – чтобы думать и считать, мне дополнительные приспособления тоже пока не нужны.

Он сел за стол, вытянул руки и размял пальцы как пианист перед выступлением.

– Ну, – обратился он к Дурабуму, – излагай свою детскую мечту.

Дурабум поспешно подсел к нему, дрожащей от волнения рукой положил перед собой чистый лист и сбивчиво принялся рассказывать, рисуя при этом корявые картинки, суетясь и ломая кончики карандашей:

– Сначала я подниму участок на аэростате на максимально возможную высоту. Там я включу магнит внутреннего сгорания, оттолкнусь от магнитного поля Земли, выйду на орбиту, выключу магнит и стану вращаться по инерции. Повращаюсь, пока Луна не окажется прямо перед нами, снова включу магнит, разовью вторую космическую скорость и полечу к Луне. Пролетая мимо неё, маневровыми двигателями выведу корабль на орбиту. Облечу пару раз, теряя высоту, и прилунюсь.

Профессор взял у Дурабума его чертёж, больше похожий на детский рисунок, повертел его, рассматривая с разных сторон, и сказал мне:

– Вот ты спрашивал про компьютер. А можешь вообразить компьютер, рассчитывающий такую чушь? Это машина рациональная, ей не объяснить, что такое детская мечта, потому что компьютер никогда не был ребёнком и мечтать не может. А я могу рассуждать как Дурабум, хоть и знаю, что это всё чушь. А раз могу рассуждать, то, значит, и рассчитать смогу.

Он положил перед собой рисунок, взял из пачки лист бумаги, проверил пальцем остроту кончика карандаша и приступил к расчёту.

Мы стояли вокруг и наблюдали. Обитатели подводного мира прильнули к стёклам своих аквариумов. Динозавр воспользовался тем, что про него забыли, сперва осторожно высунул голову из-за двери террасы, а потом, осмелев, заполз в гостиную. Все напряжённо следили за невиданным явлением: Профессор производил расчёт детской мечты.

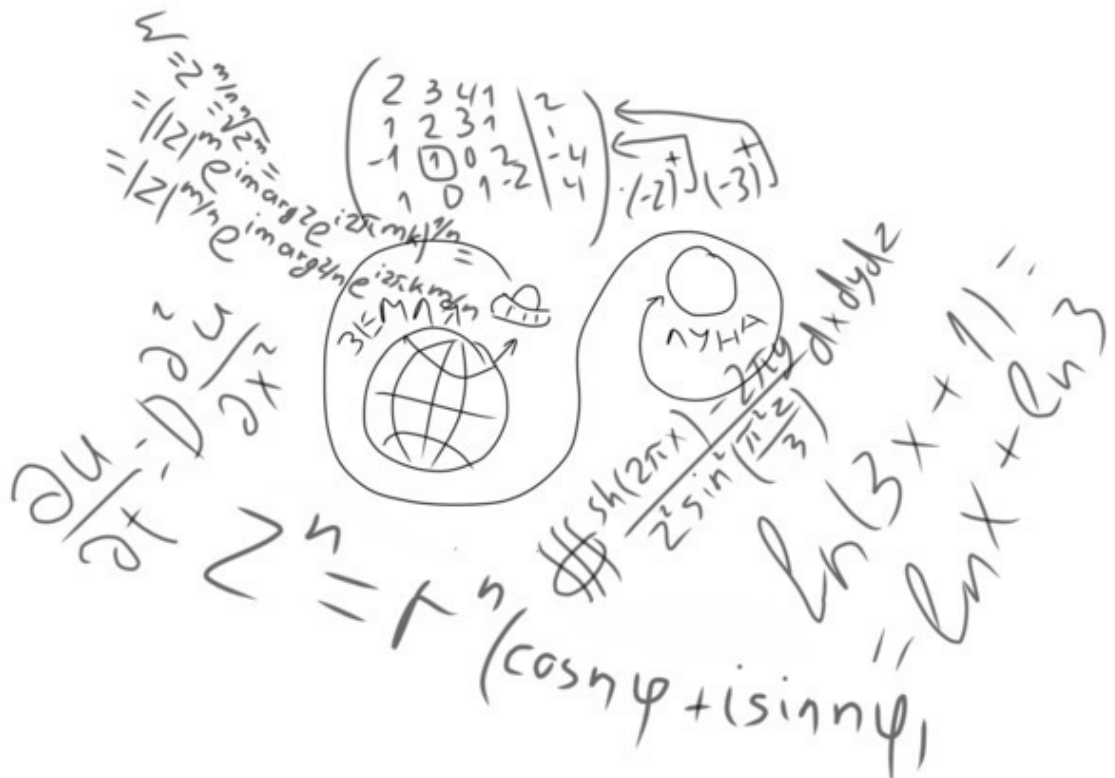
Невозможно описать словами эту вычислительную феерию. Тот, кто не видел, как считает Профессор, никогда не сможет это себе представить. Ошибаются те, кто думает, что математика скучная и не зрелищная наука. Просто мы помним её со школы по унылым задачам

из учебника, но разве тот, кто знает музыку по ученическим гаммам, может представить себе игру виртуоза?!

Профессор залихватски чертил, размашисто писал, играл цифрами, колдовал формулами, жонглировал уравнениями. Цифры, переменные, латинские и греческие буквы, косинусы и логарифмы, вылетая из-под его карандаша, неслись в таком вихре, что голова кружилась даже у динозавра.

Даже Яблочков заплодировал, когда Профессор сходу взял тройной интеграл по замкнутому контуру, который каждый из нас посчитал бы неберущимся. Угри в аквариуме завязались узлом от одного вида системы параболических дифференциальных уравнений в частных производных, которую Профессор за минуту разделал так, что только корни засверкали. Комплексные числа он возводил в такие степени, что космические дали переставали казаться недосяжимыми даже для самых водоплавающих скептиков, а Луна показалась не дальше соседнего гастронома, когда квадратные матрицы образовали коммутативное кольцо, изоморфное кольцу эндоморфизмов свободного модуля, а Профессор, нисколько не смутившись, вычислил по обычной формуле их определители и одним махом обратил все матрицы методом Жордана – Гаусса.

Клетчатые листы мелькали один за другим, мы едва успевали точить карандаши. На наших глазах наивная и бесплотная фантазия в сбивчивом исполнении Дурабума превращалась в стройные ряды цифр и формул, надёжных, будто закованных в железо, неколебимых, как фаланга древних воинов.

Захваченные математическим вихрем и унесённые им в страну детских грёз, мы не заметили, как прошло время обеда. Листы, исписанные Профессором при свете дня, предстали перед нами в окончательном виде только при электрическом свете вечера.

Под наши аплодисменты Профессор вручил Дурабуму толстую пачку своих трудов. Мы подхватили Профессора и стали качать. Подбросив его несколько раз, мы подвергли той же почести и Дурабума – авансом за то, что он воплотит сегодняшние расчёты в будущий космический полёт.

– И всё-таки занялись бы уж вы лучше делом! – пожурил нас напоследок Профессор.

– Так ведь это настоящее дело и есть, – возразил ему Дурабум. – Видел бы ты себя сейчас со стороны! Разве ты чувствуешь такое вдохновение, когда зарабатываешь деньги?

– Играть весело, – признался Профессор. – Но жизнь не игра.

Всякий знает, что на подготовку космического полёта требуется очень много времени. В детстве мы готовились дня два – для детей это долгий срок, но не для взрослых.

Дети ещё не знают, что возможно, а что нет, что нужно, а что бесполезно – тропинки для них ещё не протоптаны, и они могут пойти по чистому полю куда захотят. Взрослые ходят по известным им дорогам, а других путей для них как бы и не существует.

Представьте себе старый заброшенный дом, в котором лежит древний клад. Дети обязательно заберутся туда и его найдут, но не поймут, что это такое, и родителям не расскажут, чтобы те не заругались. Взрослые бы поняли, но они в этот дом не полезут и клад не найдут – взрослые ведь не занимаются такой ерундой. В результате дом снесут, и сокровище пропадёт. Мир вокруг нас полон таких сокровищ, но взрослые их не замечают, а дети не знают, что с ними делать.

Взрослые всё усложняют: для нас создание космического корабля оказалось таким трудным делом, что даже всего хлама, какой Дурабум носил в карманах и копил в своём глупом заоблачном доме, было недостаточно. Вдруг выяснилось, что нам понадобятся деньги, и немалые – а в детстве мы без них обошлись. Я, Дурабум и Коля Зверев отдали все наши сбережения, но этого оказалось мало. Яблочков сказал, что мы должны быть ему благодарны уже за то, что он с нас не требует компенсации за тысячелетия страданий и унижений, которым такие, как мы, подвергали таких, как он, и нам пришлось с благодарностью отказаться от его помощи.

Дурабум собрался делить наши деньги на ноль, но, когда мы сказали об этом Профессору, тот возмутился и запретил заниматься математическим беспределом. Он основал благотворительный фонд по поддержанию интереса к космическим полётам, выделил нам крупный грант и так ловко списал расходы с налогов, что ещё и остался в выигрыше. Если бы космические исследования велись так же ловко, как финансовые дела Профессора, Марс был бы уже цветущим садом!

Каждые выходные ко мне прилетал Коля Зверев, и мы, оседлав летающего динозавра, мчались на заоблачный участок, которому предстояло стать нашим космическим кораблём.

Мы укрепили и герметизировали купол. Он больше не мог складываться, его форма изменилась: он по-прежнему был похож на яйцо, но теперь оно было повёрнуто не вбок – по ветру, а вверх, что придавало заоблачному острову больше сходства с ракетой. Лёгкий пластик мы заменили на пуленепробиваемые стёкла. Их много скопилось на автосервисе: в девяностые годы они пользовались популярностью, а потом их покупать перестали.

У купола появились герметично закрываемые ворота, за которыми Дурабум обустроил шлюзовую камеру, чтобы можно было выходить из космического корабля и потом возвращаться в него. Пока мы оставались на Земле, ворота шлюза были открыты с обеих сторон – автомобиль Дурабума и динозавр Коли Зверева свободно через них пролетали.

Мы основательно закрепили всё, что могло двигаться. Тряска нам предстояла большая, и то, что не было закреплено, могло разлететься по острову, ломая всё на пути. При разгоне космического корабля все предметы становятся тяжёлыми и летают с такой скоростью, что даже муха может сбить человека с ног. К счастью, мухи не водятся на такой высоте, и на острове их не было, а то и их пришлось бы приколачивать гвоздями. В невесомости не хотелось бы

летать среди рассыпавшихся и разлетевшихся по всему кораблю болтов и гаек – их надо было собрать, разложить по коробочкам и коробочки привинтить или приклеить.

Под островом был подвал. Дурабум перенёс туда всё, что хранилось на нижнем этаже глупого дома и не было использовано для преобразования летающего острова в космический корабль.

Подвал служил не только для хранения всякого добра – он стал чем-то вроде киля. Подлетев к Луне, наш космический корабль должен был повернуться к ней своей более тяжёлой нижней стороной и ей же прилуниться. Чтобы он после этого не покатился по Луне как мячик, Дурабум пристроил к нему снизу выдвигающиеся стойки с амортизаторами от железнодорожных вагонов, которые он добыл на свалке рядом со своим автосервисом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.